
ЗАЯВЛЕНИЕ ТОВАРИЩА Ю.В.АНДРО
ПОДДЕРЖИВАЕМ И ОДОБРЯЕМ
ГОНКЕ „ВООРУЖЕНИЙ должен и может быть" положен конец" Ю.В. Андропов
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 41 ОКТЯБРЬ 1983

НЕ ДАДИ

АНТИВОЕННАЯ

Репортаж вели корреспонденты «Огонька» А. БОЧИНИН, А. ГОСТЕВ, В. КОВАЛЕВ, М. САВИН, Б. СМИРНОВ и А. СОКОЛОВ.

М ВЗОРВАТЬ ПЛАНЕТУ!

См. стр. 4—5.

МАНИФЕСТАЦИЯ В МОСКВЕ 1 ОКТЯБРЯ 1983 ГОДА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 41 (2934)

8 ОКТЯБРЯ 1983

В НОМЕРЕ:

Герой Социалистического Труда, член ВЦСПС Валентина Гаганова: «Главное — воспитать человека!»

Очерк Галины Куликовской к 25-летию движения за коммунистическое отношение к труду и о переменах, происшедших на Вышневолоцком хлопчатобумажном комбинате, читайте на стр. 9—11.

VII конференция Ассоциации писателей стран Азии и Африки в Ташкенте завершила свою работу.

Репортаж Н. Крыловой, В. Костыри и Н. Козловского, стр. 6—7, 26—27.

От Уэлена до Мурманска проделала путь на собачьих упряжках арктическая экспедиция газеты «Советская Россия».

Об итогах перехода рассказывает один из его участников, Ю. С. Борисихин, в материале «Экзаменует Арктика», стр. 16.

«ОДОБРЯЕМ И ПОДДЕРЖИВАЕМ!» — ГОВОРЯТ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ О ЗАЯВЛЕНИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Ю. В. АНДРОПОВА.

РАДИ ЖИЗНИ

Рабочая смена в тот день на нашем угольном разрезе началась необычно. Пятьсот с лишним моих товарищей по работе собрались на митинг, чтобы выразить свою поддержку и одобрение тем мыслям, которые изложил в своем Заявлении Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Ю. В. Андропов. Советский руководитель убедительно разоблачил имперские устремления нынешней американской администрации, ее агрессивную внешнюю политику, которая может привести мир к новой войне, ядерной катастрофе.

Мы, рабочие, на своем митинге высказались четко и однозначно: под словами, сказанными Ю. В. Андроповым, подписался бы каждый из нас, потому что они убедительно выражают наши мысли и чаяния.

— Мы не дадим взорвать мир,— говорила, выступая на митинге, знатная рабочая нашего разреза Валентина Терентьевна Пощенко.— У человечества нет и не может сейчас быть иного выбора, нежели жить в мире и дружбе.

Валентина Терентьевна внесла на митинге предложение: в октябре отработать одну смену, заработную плату за которую перечислить в Фонд мира. Это предложение единодушно было поддержано всеми участниками митинга.

О полной поддержке внешней политики нашей партии и Советского правительства заявили в своих выступлениях на митинге машинист экскаватора А. К. Елгашин, начальник участка В. В. Некрасов. Об этом мог бы сказать каждый из нас. Поддерживая и одобряя Заявление Ю. В. Андропова, мы понимаем, что нам надо еще лучше трудиться на своих рабочих местах, крепить могущество нашей страны.

В. НЕСТЕРОВ,
бригадир экскаваторной бригады угольного разреза имени 50-летия Великого Октября

Белово, Кемеровская область.

ПРЕСТУПНАЯ ИГРА

С войны мой отец Павел Ефимович Никулин принес Золотую Звезду Героя. А шрамов его я так и не мог сосчитать, потому что в госпиталях, случалось, его резали и сшивали по уже однажды резанному и сшитому. Моя мать его не встречала — она умерла раньше... Да и мне, ребенку, пережившему кошмар гитлеровской оккупации в Киеве, недолго пришлось радоваться возвращению отца-героя, прославленного командира артиллерийской бригады. Недолеченные, смертельной тяжести раны дали себя знать. Он вскоре умер. Отец тогда был намного моложе, чем я сейчас.

Тот, кто найдет в себе желание хоть на минуту задуматься над этими скупыми фактами, должен понять, как мы ненавидим войну. А ведь таких судеб в нашей стране миллионы. Для нас война — это не походы за моря и океаны — во Вьетнам и на Мальвины, в Ливан или Никарагуа... Для нас война — не разбойный промысел, когда за спиной вооруженного бандита стоит респектабельный банкир и бизнесмен. Для нас она отцовские и дедовские могилы, память сирот, госпитали для инвалидов и ветеранов войны, которые мы строим еще и сегодня.

Поэтому с таким одобрением и пониманием встретили наши люди Заявление Юрия Владимировича Андропова, в котором четко и недвусмысленно изложена советская позиция по вопросам войны и мира. И если для американских руководителей в последние годы мировая политика стала чем-то вроде голливудских подмостков, где все подчинено коммерческому успеху, то это недостойная, преступная игра.

Нынешнее руководство США пытается превратить Западную Европу в мишень для ответного ядерного удара. Народы Европы должны помнить, к чему привели их «миротворческие» уступки гитлеровской наглости. Так и за океаном должны бы знать, что перед лицом угрозы извне советские люди становятся еще сплоченнее, еще организованнее. Для нас мир — это жизнь.

У меня один сын. Он мог бы стать строителем, инженером, школьным учителем, обрести любую другую профессию. Но он стал военным. Вот окончит училище и будет служить в Вооруженных Силах, продолжит дедовскую профессию.

Господин Рейган и те, кто стоит за его спиной, должны знать, что спокойствие и уравновешенность наших руководителей опираются на силу и сплоченность советских людей, на их готовность снабдить свое детище — Советскую Армию — всем необходимым.

А. НИКУЛИН,
бригадир слесарей объединения «Киевгаз»

ОТВЕСТИ ОПАСНОСТЬ!

Начался учебный год, и наш дом снова зазвенел голосами. Наш дом — это межшкольный учебно-художественный комбинат, где старшеклассники приобщаются к прекрасному: учатся рисовать и лепить, учатся резьбе по дереву, моделированию одежды... Они приходят ко мне в библиотеку за книгами, чтобы почерпнуть в них опыт человечества, его мудрость, энергию, гуманность. Для нынешнего дня и для будущего. А я слушаю голоса ребят, вижу их увлеченность и думаю: как можно допустить, чтобы их судьбы были под угрозой?! А они под угрозой. Где-то на заводах запрессовывают в металл безжалостную смерть для десятков, сотен, тысяч людей. Где-то готовятся поставить ракеты, которым предназначено уничтожить целые города, где-то высчитывают, за сколько минут можно парализовать жизнь целых государств. Над Землей нависла серьезная опасность. Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова еще раз напомнило миру об этом. Пока не поздно, обращается ко всем глава Советского государства, нужно действовать. Нельзя ради чьих-то антигуманных идей рисковать планетой, цивилизацией, будущим тех ребят, которые сегодня учатся рисовать, строить машины, украшать Землю. Я верю в то, что благоразумие победит.

Н. ТИХАНОВИЧ, библиотекарь

Минск.

НАС НЕ ЗАПУГАТЬ

Сегодня к Заявлению Ю. В. Андропова привлечено пристальное внимание всех советских людей. С большим удовлетворением восприняли этот документ дальневосточники. Весь коллектив Хабаровского ордена Трудового Красного Знамени медицинского института поддерживает Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Юрия Владимировича Андропова, в котором дана четкая и ясная оценка внешнеполитического курса, проводимого нынешней американской администрацией. В Заявлении подчеркнута ответственность руководителей государств мира в нашу ядерную эпоху. Невозможно понять, как может государственный деятель, президент цивилизованной страны преднамеренно создавать у своих соотечественников состояние тревоги. Как медик, скажу, что при этом уровень тревоги индуцируется до степени военного психоза, распространяемого на всю страну. Рейган искусственно создает у американцев психологический климат неотвратимости и неизбежности атомной войны.

Нам, медицинским работникам, хорошо известно, из документов Всемирной организации здравоохранения, как растет число лиц в Соединенных Штатах Америки, живущих в постоянном состоянии психической напряженности и вынужденных прибегать к транквилизаторам.

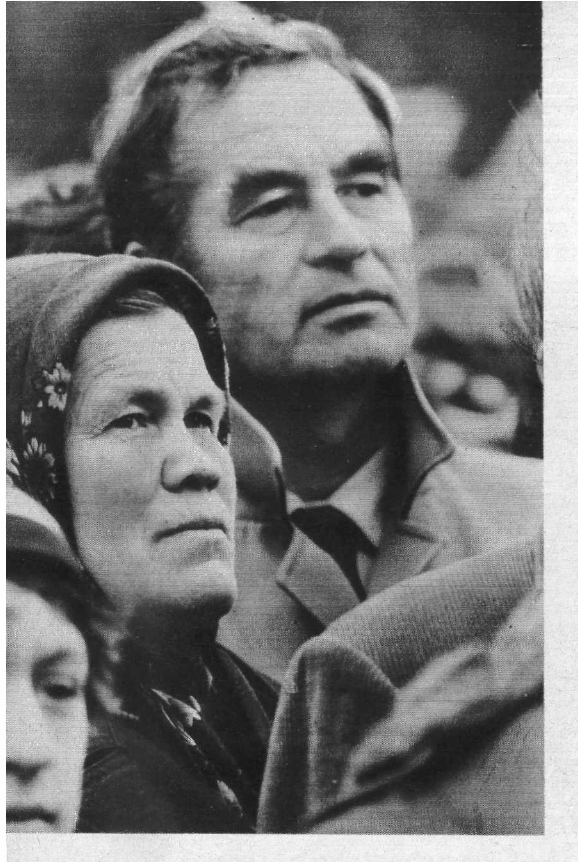
Мир — народам! — этот призыв родился вместе с нашим государством. И мы не от страха, не от слабости жаждем мира. «...Обороноспособность нашей страны находится на таком уровне, что никому не советовали бы устраивать пробу сил». Эти слова из Заявления руководителя нашей партии нашли поддержку в миллионах сердец советских людей.

Г. КОЛОТИЛИН, профессор

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

Пусть помнит об этом любой сумасброд
Из дальних воинственных мест:
На планах агрессий заморских господ
Поставят внушительный крест!

НЕ ДАДИМ ВЗОРВАТЬ ПЛА

См. II обл. и 1-ю стр.

...Среди демонстрантов — мальчик лет шести. Он несет плакат, на котором написано: «Мир — детям!»

«Прекратить безумную гонку вооружений!», «Не дадим взорвать планету!» Подхваченные тысячами голосов, эти призывы несутся над колонной демонстрантов, многократно усиливаясь и заполняя собой все пространство над широкой магистралью Садового кольца, врываясь в тихие московские переулки и дворики. Это голос трудовой Москвы, голос в защиту самого дорогого, что у нас есть и что мы полны решимости отстоять,— голос в защиту мира.

Мы привыкли к субботней суете московских улиц. Но сейчас тротуары кажутся пустынными по сравнению с проезжей частью, которую заполнили монолитные колонны участников антивоенной манифестации. Кажется, вся Москва вышла на улицы, чтобы выразить свой решительный протест против милитаристских планов администрации США, чтобы во весь голос заявить о своей поддержке советских мирных инициатив.

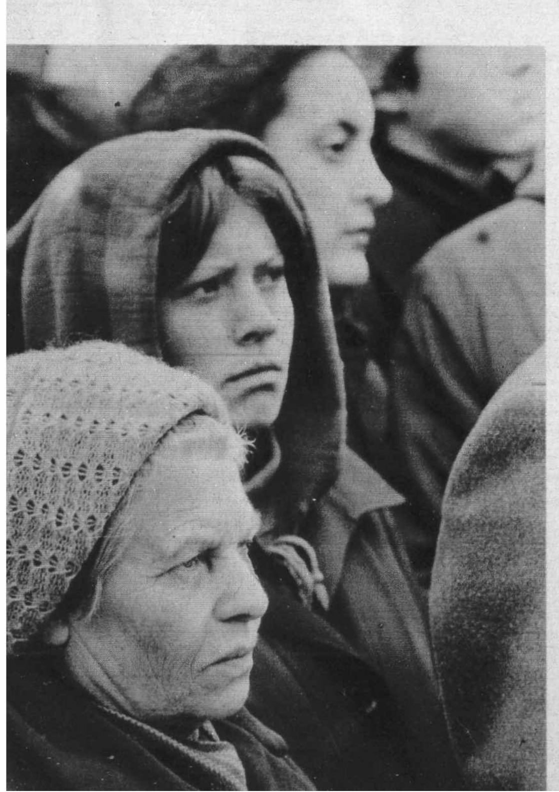
...Площадь перед входом в Центральный парк культуры и отдыха имени А. М. Горького с трудом вмещает всех участников массового антивоенного митинга, который открывает председатель Комитета советских женщин В. Терешкова. В словах выступавших на митинге заслуженного строителя РСФСР А. Храменкова, поэтессы Л. Щипахиной, президента Международной демократической федерации женщин, лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Фриды Браун — гневная отповедь империализму, поджигателям и проповедникам больших и малых войн, полная поддержка миролюбивой внешней политики СССР. «Мы, женщины,— говорит Фрида Браун,— с одобрением встретили Заявление Юрия Владимировича Андропова — руководителя государства, являющегося оплотом мира на земле».

Да, советские люди хотят мира. Они его требуют и для себя и для других. Требуют точно так же, как делают это сотни тысяч и миллионы людей во многих странах. «Все, что происходит сегодня в мире,— говорит одна из участниц митинга, пенсионерка,— касается всех — вас, меня, каждого. Поэтому я пришла сюда...»

«...Касается всех...» — под этими словами пожилой москвички могли бы подписаться участники антивоенных митингов в Лондоне и в Амстердаме, в Бонне и в Риме — везде, где поднялась сегодня мощная волна протеста против безумных планов уничтожить жизнь на нашей планете.

Многие из тех, кто пришел на площадь перед главным корпусом МГУ, должны были в этот час сидеть на лекциях. Но по-своему распорядились время и совесть: пусть сегодня важнейшей станет лекция мира. И она состоялась. Для тридцати, шестидесяти, ста тысяч (разве точно подсчитаешь?!..) человек одновременно. «Миру — только мир!», «Американским ракетам — нет места в Европе!» — скандировали на десятках языков

АНТИВОЕННАЯ МАНИФЕСТАЦИЯ В МОСКВЕ 1 ОКТЯБРЯ 1983 ГОДА

НЕТУ!

иностранные студенты, обучающиеся в вузах Москвы. «Долой ядерный шантаж!» — вторили им наши парни и девушки на русском.

— Мы собрались здесь для того, чтобы еще раз сказать свое решительное «Нет!» гонке вооружений,— подчеркнул на открытии митинга первый секретарь МГК ВЛКСМ Александр Борцов.

Сменяют друг друга ораторы. Слова генерального секретаря организации «Сторонники мира Финляндии» Й. Пакаслахти о необходимости превратить весь континент в единую безъядерную зону тонут в многотысячном хоре одобрения.

— А еще лучше — всю планету! — говорит молодой палестинец. Мужественное лицо, сильные, мускулистые руки сжимают мегафон, который помогает ему управлять хором из нескольких десятков соотечественников. Многие из этих ребят могли бы давно окончить Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, где они обучаются разным специальностям, но он и его друзья лицом к лицу столкнулись с головорезами Бегина и Шарона в долине Бекаа. Им не надо объяснять, что такое война. «Мир народам!» — пели палестинцы песню на своем родном языке.

В другом месте Москвы головные ряды демонстрантов уже свернули в аллею к главному входу ВДНХ, а проспект Мира все еще полон идущими, они на перекрестке у кинотеатра «Космос», они, насколько хватает взгляд, еще заполняют Останкинскую улицу.

Трибуна перед входом на ВДНХ. Ветер рвет полотнища. Тысячи лиц, тысячи судеб — здесь, на площади, пожилые люди и молодежь, рабочие и студенты, ученики школ и научные работники.

И каждый готов повторить слова, звучавшие в эти минуты с трибуны. «Мы не хотим, чтобы события приняли такой оборот, который привел бы к еще большему обострению напряженности»,— говорил председатель Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество А. П. Шитиков. Спокойно и уверенно звучит речь ректора МИИТа, ветерана войны И. В. Белова. Бурные аплодисменты — и над площадью звучат убедительные, словно призывающие к размышлению слова президента Всемирного Совета Мира Р. Чандры. На трибуне — прессовщик, Герой Социалистического Труда Н. А. Соколов, школьная учительница И. В. Леонова. «Никакого нового ядерного оружия средней дальности в Европе! Сократить существующие арсеналы! Остановим ядерную угрозу!» — несутся над головами на высокой, звенящей ноте слова Заявления участников Московской антивоенной манифестации. Их произнес народный артист РСФСР Ю. М. Соломин. И ветер, казалось, не в силах был охладить пыл этих точных и емких фраз — они прозвучали клятвой, призывом к действию, девизом разума и правоты.

ОСТАНОВИТЬ БЕГ К КАТАСТРОФЕ

Сергей ЛОСЕВ

Как сплав реализма, твердости и высокой ответственности за судьбы мира расценивает мировая общественность Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова, содержащее оценку советским руководством курса, проводимого в международных делах нынешней администрацией США.

Цель этого опасного для человечества курса — во что бы то ни стало добиться военного превосходства США над Советским Союзом с тем, чтобы обеспечить Вашингтону доминирующие позиции в мире, подчинить своей воле ход мировых событий и дать возможность американскому империализму диктовать свои условия другим суверенным государствам и народам, не считаясь с их кровными национальными интересами. Во имя достижения своекорыстных целей администрация Р. Рейгана толкает мир к опасной грани ядерной катастрофы, взяв курс на беспрецедентное взвинчивание гонки вооружений.

Проведение этого милитаристского курса поручено ставленникам военно-промышленного комплекса, точнее, его калифорнийской группировки — Рейгану, Уайнбергеру, Кларку, Кейси, чей дремучий антикоммунизм и патологическое пристрастие к применению в политике методов шантажа, диктата и грубой силы порождают законный вопрос: а существуют ли сейчас у Вашингтона вообще какие-то тормоза, чтобы не перейти черту, перед которой должен остановиться любой мыслящий человек?

Примером крайнего авантюризма в политике явилась подлая провокация, организованная спецслужбами США с использованием южнокорейского самолета, которая понадобилась, в частности, и для того, чтобы протолкнуть через конгресс военный бюджет на 1984 год, превышающий 280 миллиардов долларов.

Пентагон и командование НАТО стремятся сейчас форсировать установку у границ социалистического содружества американского ядерного оружия. Вашингтонский корреспондент английской газеты «Дейли телеграф», ссылаясь на «надежные источники», сообщает, что США под покровом секретности уже начали перебрасывать по воздуху крылатые ракеты на военно-воздушную базу Гринэм-Коммон в Великобритании. Полным ходом идут приготовления к установке «Першингов-2» и крылатых ракет в ФРГ, несмотря на то, что большинство населения Западной Германии выступает против превращения своей страны в ядерного заложника Вашингтона. В этих условиях правительство ФРГ, неустанно заверяющее американскую администрацию в том, что оно согласно приступить к размещению нового ракетно-ядерного потенциала США, по мнению члена правления СДПГ Эгона Бара, ведет себя словно кукла, повторяющая слова сидящего в Вашингтоне чревовещателя.

Чем ближе момент непосредственного развертывания новых американских ракет, тем изощреннее и масштабнее становится враждебная кампания клеветы и преднамеренной дезинформации, призванная сбить волну антиракетного движения. Стоит ли удивляться тому, что Бонн, Лондон, Рим и правительства некоторых других стран — членов НАТО словно по команде стали в один голос восхвалять мнимую «гибкость» позиции США на женевских переговорах? Нет, не стоит, потому что эта совместная пропагандистская акция была разработана и заранее согласована в координационных органах НАТО.

Теперь западная пресса вынуждена сквозь зубы признать, что Заявление Ю. В. Андропова нанесло сокрушительный удар по стараниям администрации Рейгана выдать свои псевдоновые предложения на переговорах по ограничению ядерных вооружений в Европе за некое проявление «уступчивости и гибкости». Суть американского хода сводится к предложению договориться по-прежнему о том, сколько сокращать советских ракет средней дальности и сколько размещать в Европе новых американских ракет в дополнение к ядерному потенциалу, который уже имеет НАТО, чтобы таким образом сломать существующий баланс по ядерным средствам средней дальности. Эта обманная позиция США не может служить основой для достижения договоренности, да такой цели Вашингтон и не преследует, задача у него иная — ввести в заблуждение общественность и во что бы то ни стало разместить крылатые ракеты и «Першинги-2».

В противовес этому обструкционистскому подходу СССР искренне стремится к нахождению в Женеве взаимоприемлемых решений на честной, справедливой основе, не ущемляющих ничьих законных интересов. Этот здравый подход встречает всевозрастающую поддержку. Депутаты бундестага ФРГ от партии «зеленых», приветствуя Заявление Ю. В. Андропова, отметили, что оно подтверждает готовность СССР сократить свои ракетно-ядерные средства средней дальности таким образом, чтобы не иметь ни на одну ракету, ни на один самолет больше, чем НАТО. «Предложения СССР, преследующие цель избавить Европу от ядерного оружия,— как тактического, так и средней дальности — на столе переговоров,— напоминает орган партии «зеленых» еженедельник «Грюнен».— Эти инициативы направлены на то, чтобы превратить спираль гонки вооружений в спираль разоружения. Мы требуем от правительства США и ФРГ, а также от других стран — членов НАТО положительно отреагировать на предложения Советского Союза». И таких откликов — великое множество во всех странах нашей планеты.

В нынешней опасной обстановке курс СССР по-прежнему нацелен на сохранение и упрочение мира, на обуздание гонки вооружений. Но добрую волю Советского Союза, его желание договариваться не следует принимать за признак слабости. На любую попытку сломать сложившийся военно-стратегический баланс Советский Союз сумеет дать надлежащий ответ, и его слово с делом не разойдется. Об этом суровом предупреждении, содержащемся в Заявлении, советский народ советовал бы никому не забывать.

Встреча на узбекской земле.

За идеалы мира и гуманизма

Н. КРЫЛОВА, В. КОСТЫРЯ,
фото Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты «Огонька»

«Здравствуй, Азия, здравствуй, Африка, не на глобусе — здесь!» — так приветствовали читатели третьего тысячелетия, пионеры узбекской столицы, участников VII конференции писателей двух частей света, которая проходила в Ташкенте с 26 сентября по 1 октября.

В один из этих дней было опубликовано Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова. «Из Москвы снова прозвучал уверенный голос разума: остановить силы реакции, удержать мир от сползания в пропасть войны», — говорится в послании, которое направили советскому руководителю участники ташкентского форума. Они приняли обращение к писателям мира, призвав их направить всю энергию на то, чтобы устранить нависшую над планетой Земля смертельную опасность.

VII конференция — юбилейная. 25 лет назад в Ташкенте состоялась первая встреча писателей Азии и Африки. Ее работа проходила в театре имени Алишера Навои, где сейчас открыта выставка книг: в Советском Союзе вышло более четырех тысяч изданий афро-азиатских поэтов и прозаиков общим тиражом около двухсот миллионов экземпляров.

Вот на стенде томик Хикмета. Четверть века назад в этих стенах звучал его голос: «Мы, писатели Азии и Африки, действующие от имени всего человечества, открываем свои народы, их жизнь, их души».

Путь от Ташкента до Ташкента занял четверть века. Четверть века борьбы и побед. Были попытки расколоть движение, но сила писательской солидарности победила. Мир сегодня не знает такого творческого объединения, которое по своим масштабам, географическому охвату, по ясности своей идейной программы и гуманистических идеалов могло бы сравниться с движением афро-азиатских писателей. Оно выражает мысли и надежды более двух миллиардов человек.

Здесь, в Ташкенте, их представляли посланцы сорока шести стран. Главная тема встречи — писатель и современный мир. А мир сегодня объят тревогой. Реальная опасность уничтожения угрожает всему человечеству. Как отвести ее, как обеспечить будущее для всех жителей планеты? Своими мыслями об этом делятся участники VII конференции писателей Азии и Африки.

ЗУЛЬФИЯ (СССР)

В 1956 году на встрече писателей Азии в Дели по поручению советской делегации я обратилась к поэтам, прозаикам, драматургам Азии и Африки: «Приезжайте в мой родной Ташкент!» Так наш город стал мостом дружбы между литераторами двух частей света.

У меня до сих пор в памяти встречи с читателями на индийской земле. Помню, у входа в помещение, где проходила «мушоира», то есть состязание поэтов в мастерстве, участники по восточному обычаю оставили свою обувь — индийские сандалии, ботинки багдадской выделки, монгольские сапожки. С ними рядом стали и мои туфли, сшитые ташкентским мастером Ахмедом. Самая дальняя дорога не преграда для сердечной и деловой встречи друзей, озабоченных судьбами народов, которым империализм угрожает войной, разорением, гибелью. Многим делегатам приходилось с риском для жизни пересекать границы, преодолевать полицейские кордоны.

Ныне эти ручейки слились в могучий поток, сметающий плотины лжи, дезинформации, унизитель-

Пенина Млама — писательница из Танзании.

Генеральный секретарь Ассоциации писателей Азии и Африки Алекс Ла Гума и председатель Советского комитета по связям с писателями Азии и Африки Сарвар Азимов открывают музей узбекского поэта Гафура Гуляма.

ных наветов расистского толка. VII конференция, приуроченная к 25-летию нашего движения, показала, что «дух Ташкента» обрел поистине богатырскую силу. Все громче звучит голос писателя, выступающего против колониализма и неоколониализма. Выразитель чаяний своего народа, его совести, поборник самобытной культуры и красоты, он отстаивает интернациональное дело мира на Земле, социального прогресса, расцвета творческого потенциала человечества.

Я снова встретилась с теми, кто был здесь четверть века назад, кто начинал наше великое движение. Честь и хвала этим людям, посвятившим свою жизнь, творчество служению благородным идеалам.

Сегодня они идут вместе — ветераны литературы и те, кто только недавно взял в руки перо,— в одном строю борцов.

АССЕФА ГЕБРЕ МАРИАМ
(Эфиопия)

В Советском Союзе я обхожусь без переводчика. И горжусь тем, что говорю по-русски. Это язык Ленина, язык Октябрьской революции. В 60-х годах я приехал в Ленинград, чтобы в университете читать курс своего родного амхарского. Будучи преподавателем, сам стал учеником — начал заниматься русским. Перевел произведения многих советских писателей. С большим успехом в Эфиопии идет «Ревизор» в моем переводе.

Еще Пушкин назвал переводчиков почтовыми лошадьми просвещения. Корень этого слова — свет. Мы переживаем сейчас момент напряженнейшего противоборства сил света и тьмы, сил мира и войны. В дни работы конференции писателей Азии и Африки опубликовано Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова. Оно вызвало широкие отклики во всем мире. Почему? Потому что оно еще раз подтвердило, что курс Советского Союза остается неизменным — это сохранение и упрочение мира, разрядка напряженности, обуздание гонки вооружений, углубление сотрудничества между государствами.

Заявление советского лидера — это не просто декларация. Все, что практически делает Советский Союз на международной арене, подтверждает сказанное советским руководителем. Его слова заставляют нас, писателей, задать себе вопрос: все ли ты сделал, что мог, для мира?

Писатель — не политик, он не может отдать распоряжение демонтировать ракеты или послать в бой танки и бомбардировщики. Но он может и должен быть совестью человечества.

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ
(СССР)

Ныне ни один народ, малый он или большой по численности, не может, не имеет никакого морального права самоизолироваться, оставаться в стороне от решения глобальной проблемы сохранения мира на нашей планете. И это с особой силой прозвучало в выступлениях делегатов VII конференции писателей Азии и Африки в Ташкенте, где четверть века тому назад было положено начало динамичной консолидации здоровых, прогрессивных духовных сил афро-азиатских литераторов.

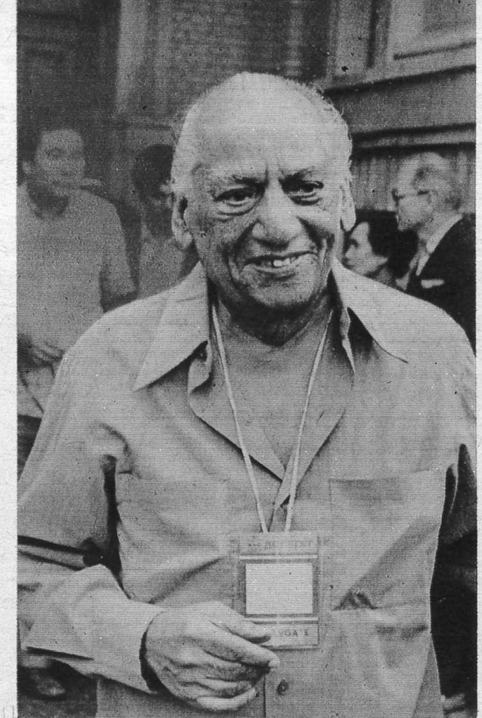
Сегодня повсюду в мире мощно бьет набат тревоги. Повсюду здравомыслящие люди зовут к сплочению и предельной активизации конкретных действий народов Земли против прямых и завуалированных происков кучки миллиардеров, готовых привычно отстаивать свои эгоистические интересы ценою жизни миллионов и миллионов невинных жертв. Однако при теперешних адских ядерных способах ведения войны это цена жизни самого земного шара!

На десятках национальных языков говорят и пишут литераторы афро-азиатской ассоциации. Миллионы людей труда слушают их взволнованные речи, читают их правдивые книги, проникаясь идеей единства, насущности беззаветной борьбы за свои права и первого из них — права жить. Мы понимаем друг друга, как говорится, с полуслова, ибо даже такие первостепенные опоры жизни, как «хлеб», «вода», «воздух», покоятся на изначальной, фундаментальной основе — эта основа МИР.

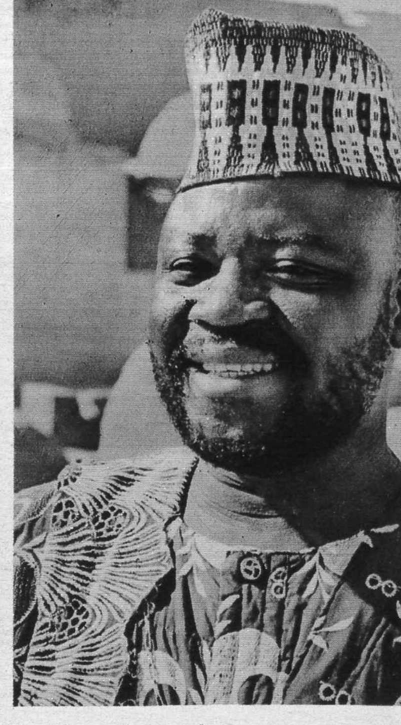
АЛИ ОКЛЯ АРСАН
(Сирия)

Моя родина — сегодня прифронтовое государство. В Сирии нет семьи, где бы хоть один человек не был в армии. Летом прошлого года, когда израильская ар-

См. стр. 26—27.

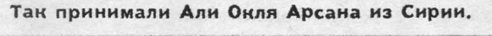
Ветеран афро-азиатского писательского движения, пакистанский поэт, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Фаиз Ахмад Фаиз, главный редактор журнала «Лотос».

Эль Хадж Адаму Амзат, поэт из Бенина.

Встреча на ковровом комбинате в Ургенче. Слева направо: Камен Калчев (Болгария), Гулям Дастагир Банджшери (Афганистан), Дожоогийн Цэдэв (Монголия), секретарь парткома комбината К. Хаитметова, Бвабва Ва Каембе (Заир), Йордан Милев (Болгария).

Так принимали Али Окля Арсана из Сирии.

Абдаррахман аль-Хамиси (Египет) и советские поэты Ираклий Абашидзе и Алим Кешоков.

7 ОКТЯБРЯ 1949 ГОДА БЫЛА ПРОВОЗГЛАШЕНА ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

Сегодня мы публикуем письма, которые пришли в адрес международного конкурса читателей «Мы — интернационалисты».

Гримма, 1945 год. Новогодний утренник для немецких детей.

ФОТОГРАФИЯ — ПАРОЛЬ ВСТРЕЧИ

...Фотография из далекого 1945 года. Советские офицеры в окружении ребятишек. Новогодняя елка 31 декабря в немецком городе Гримма. Офицер — заместитель военного коменданта, а дети, немецкие дети, пришли на утренник в советскую комендатуру. Что это означало для них тогда, после стольких дней, месяцев, лет страха и голода,— легко понять.

После войны фотография хранилась в семейном альбоме Валерия Алексеевича Котляревского среди множества снимков военной поры. Это он был заместителем военного коменданта Гриммы и змесете со своими товарищами организовал праздник для ребятишек.

Десять лет назад, встретившись с комсомольцами, среди которых был и автор этих строк, Валерий Алексеевич показал снимок, рассказал историю его появления. Мы, молодые, были преисполнены гордости за советского солдата-освободителя, но больше всего хотелось узнать, что сейчас делают дети 1945 года, ныне граждане первого на немецкой земле социалистического государства. Товарищи поручили мне, секретарю комитета комсомола, попытаться найти мальчишек и девчонок с маленькой пожелтевшей от времени фотографии.

Поскольку Гримма относится к Лейпцигскому округу, туда и ушло письмо в местную газету «Лейпцигер фолькслайтунг». В нем — просьба к редакции узнать по возможности судьбу участников того памятного утренника.

Ответ из Германской Демократической Республики пришел довольно скоро. Сотрудники «Лейпцигер фолькслайтунг» сообщали, что наше письмо опубликовано и уже начали откликаться те, кто узнал себя на фотографии. Вот эти письма: одни скупые, на листе бумаги, другие — объемом в несколько страниц печатного текста.

«Дорогие друзья из Одессы,— писала Соня Дистер.— На этом фото есть и мой сын, он в то время учился в 3-м классе. После школы работал слесарем, затем окончил высшую школу. Сейчас возглавляет отдел нормирования на одном из заводов. Желаю всем советским друзьям успеха в труде...»

«С интересом прочитала «Письмо из Одессы»,— пишет Эрна Флюдер,— на фотографии узнала свою дочь Гизелу. Она сейчас с большой теплотой вспоминает то рождественское событие, которое запомнила на всю жизнь. А главное, она до сих пор хранит куклу, подаренную ей тогда. Для того времени это был необычайный подарок, особенно он приятен тем, что преподнесен советскими друзьями...»

«Моя судьба походила на судьбы многих моих сверстников,— рассказывает один из участников утренника, ныне директор комбината в Берлине Клаус Тимер.— Я очень хорошо помню то новогоднее событие. Был прекрасный стол, мне подарили туфли, которые были тогда так необходимы...»

«Дружба с Советским Союзом» — эта мысль встречается в каждом письме. Зародившаяся много лет назад, эта дружба ширится с каждым днем.

«За 25 лет существования нашей республики очень изменился наш город,— писал редактор газеты Вернер Книг.— Построено много домов и заводов, и вся наша жизнь стала красивее и богаче. Никогда мы не забудем, что получили эту жизнь из рук освободителей от фашизма — воинов Советской Армии. На заводах и в школах округа широко развивается соревнование за звание «Коллектив германо-советской дружбы».

...Маленькая фотография стала паролем встречи. 25-ю годовщину образования ГДР Валерий Алексеевич Котляревский встречал на немецкой земле. К своему приезду в ГДР он получил письма почти от всех участников утренника. Радушный прием, теплые встречи со старыми знакомыми, множество воспоминаний...

— Честно говоря, даже не верилось, что поиск комсомольцев закончится успешно: ведь прошло уже столько лет,— рассказывал Валерий Алексеевич.— Но, когда получил письмо из Гриммы, очень разволновался. Встречи на немецкой земле проходили и в редакции газеты, и в Обществе германо-советской дружбы, и в районном комитете партии, и, конечно, в трудовых коллективах. Нас радостно встречали, делились планами на будущее, рассказывали о своих делах, интересовались жизнью советских людей.

Встреча с ребятами далекого 1945 года особенно врезалась в память. Не всем удалось собраться, многие живут в других городах ГДР. Но большинство пришли, и каждый держал в руке маленькую фотографию — символический пароль встречи. Это было незабываемо: вместе мы сфотографировались, и теперь в наших семейных альбомах появилась фотография и размером побольше, и люди на ней постарше!..

С Валерием Алексеевичем Котляревским мы и сейчас работаем на заводе строительно-отделочных машин. Недавно мы разослали письма нашим друзьям из Гриммы, многие из которых успели побывать в Советском Союзе, с просьбами рассказать о том, что произошло в их жизни за последние годы. Ждем ответы, а когда они придут,— расскажем снова эту историю молодым одесситам...

Р. МАЛЬЦЕР

Одесса.

ЖИВ ГАВРЮШКА!

Пятнадцать лет исполнилось моему другу Гавриилу Ивановичу Кривоносу, когда фашисты оторвали его от родного Крыма. В вагоне для скота доставили в городок недалеко от Франкфурта-на-Майне, заставили выполнять тяжелую работу в ремонтной мастерской.

Вскоре нагрянуло гестапо, мальчика арестовали по подозрению в саботаже и бросили в концлагерь Бухенвальд. Изуверским было заключение палачей: «Возвращение из лагеря нежелательно».

Там мы с ним и встретились. Я, как политический заключенный, ведал медицинской амбулаторией Густлофверк II. Однажды утром ко мне пришел почти ребенок, исхудавший, весь в ссадинах. Назвал свое имя — Гаврюшка, после этого мы все время были вместе, поддерживали друг друга в трудные минуты, делились последним куском хлеба. Освободили нас в апреле 1945 года, после того мы потеряли связь.

Прошло три десятилетия. В канун празднования 30-летия освобождения немецкого народа от фашизма в моей квартире раздался звонок. Молодая пара из Галле только что вернулась с отдыха в Сочи. Там с ними познакомился один советский гражданин и передал адрес. Глазам своим не поверил я: Гаврюшка, жив! Какое это было счастье! Написал ему письмо и получил ответ: «Очень рад, но лучше встретиться». Через год мой самолет приземлился в Донецке, и прямо на летном поле мы обнялись, как родные братья, крепко расцеловались. Тут же находился еще один бывший узник Бухенвальда, Александр Агафонов, который приехал для встречи на мотоцикле из Симферополя за 600 километров. До утра следующего дня праздновали мы нашу встречу.

Советские друзья показали мне прекрасный город Донецк, побывали мы во Дворце пионеров, выступали на встрече с горняками. В память о встрече они подарили мне шахтерскую лампу. Затем мы встречались уже в Лейпциге, куда Гаврюшка приезжал со своей женой Валентиной.

Дружба, которую не нарушили десятилетия, продолжается. Мы помним ужасы фашизма и вместе боремся за мир, чтобы кошмар новой войны не окутал прекрасную планету Земля.

Эрих ХААЗЕ

Лейпциг.

В. Максимов. 1844—1911. БАБУШКИНЫ СКАЗКИ.

Выставка «225 лет Академии Художеств»

М. Лебедев. 1811—1837. АРИЧЧА БЛИЗ РИМА.

Выставка «225 лет Академии Художеств»

ГЛАВНОЕ – ВОСПИТАТЬ ЧЕЛОВЕКА!

25 ЛЕТ ДВИЖЕНИЮ УДАРНИКОВ И КОЛЛЕКТИВОВ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА.

Галина КУЛИКОВСКАЯ, специальный корреспондент «Огонька»

Фото И. ГАВРИЛОВА

25 лет назад комсомольско-молодежная бригада коммуниста В. Станилевича из депо Москва-Сортировочная, того самого, где проходил первый коммунистический субботник, приняла небывалое обязательство: не только работать, но и жить по-коммунистически, так, чтобы во всех поступках каждого была личная ответственность за общее дело строительства коммунизма. Через два дня примеру бригады последовал коллектив роликового цеха, затем всего прославленного депо. В то же примерно время независимо от столичных железнодорожников в тихом зеленом городе на древнем Волоке Валентина Гаганова перешла из возглавляемой ею передовой бригады в отстающую. Не славы и не личной выгоды ради — она теряла в заработке, шла на трудности,— а с единственной благородной целью: сделать так, чтобы и в этом рядом стоящем коллективе работа спорилась и приносила бы людям радость.

Мы знаем: оба почина всколыхнули всю страну. В соревновании за звание коллективов и ударников коммунистического труда участвуют тысячи предприятий и организаций, миллионы бригад в промышленности, строительстве, на транспорте, в сельском хозяйстве, торговле...

Сегодня мы рассказываем о том, какие с тех пор перемены произошли на Вышневолоцком хлопчатобумажном комбинате и в жизни Героя Социалистического Труда, члена ВЦСПС В. И. ГАГАНОВОЙ.

СТАРШИЙ ИНЖЕНЕР

Прежде всего о ней, Валентине Ивановне. Четверть века — срок немалый, особенно если это половина пройденного пути и притом каждый год плотно насыщен событиями. После бригады Люси Шибаловой, которую Гаганова первой «вывела в люди», она еще два раза переходила в отстающие. Второй раз, когда этой бригаде присвоили высокое звание коллектива коммунистического труда. Тогда, кстати, родился Сережа, сын (теперь уже инженер, конструктор). Ей было очень трудно, приходя домой, падала от усталости, но не отступала. Потом и эта бригада, как и предыдущие, под ее руководством выровнялась, достигла высокой производительности труда. Приезжали фотокорреспонденты, Гаганова подводила их к девчатам: «Их снимайте, не меня. Я ничего особенного не сделала, просто хотела помочь». Третью бригаду она приняла в тот год, когда подала заявление с просьбой зачислить ее на вечернее отделение текстильного техникума...

Обо всем этом Валентине Ивановне нет необходимости рассказывать,— известно из статей и очерков, опубликованных в различных газетах и журналах, из ее же книг, одна из которых так и называется: «Не корысти ради». Но вот как дальше развивались события?

— Дальше? — переспрашивает Гаганова. В ее широко расставленных светлых глазах лукавинка.

Мы идем с ней по шуршащим на асфальте листьям, укрывшись от мелкого осеннего дождичка одним на двоих зонтиком. Идем в это раннее серое утро на работу. Автобус она не признает. «Зачем? Комбинат по ту сторону железной дороги, до вокзала всего-то две остановки. Я всегда пешком»...

— Дальше вот что было. По окончании техникума меня назначили мастером. И тут я поняла, какая эта должность трудная и хлопотная. Мастер отвечает за все, что делается в смене: и за соблюдение технологии, и за план, за состояние и загрузку оборудования, за дисциплину и обеспеченность сырьем... Мастером отработала почти десять лет до тех пор, пока... В общем, подвело здоровье. Была операция. Получила от врачей предупреждение: «В цех вам нельзя». Последние десять лет работаю в техническом отделе комбината старшим инженером по рационализации и изобретательству. А еще — председателем городского Совета общества ВОИР. Так что работы хватает.

Работы Валентине Ивановне действительно хватает. Шкаф в небольшом кабинете бриза забит папками и техническими справочниками. Раскрытые папки, бумаги на столе. С каждым предложением нужно разобраться на месте, прямо в цехе, а это означает живое общение с людьми, что ей дороже всего. Потом надо оформить удостоверение на каждого рационализатора, определить экономический эффект, рассчитать размер вознаграждения, позаботиться не только о том, чтоб оно было вовремя выплачено, но чтобы предложение было внедрено...

А на стене, как вечно звучащее эхо горячей юности,— фотографии. Она сама, круглолицая, с гладко зачесанными назад волосами, открывающими высокий лоб — сейчас у нее короткая, современная стрижка,— и гостья из далекого Вьетнама. Далекого и близкого. Гаганова была в Ханое и городе-побратиме Вышнего Волочка Нам Дине. До глубины души поразилась, когда увидела у детей в школе книгу Бориса Полевого о своей бригаде, переведенную на вьетнамский язык. На текстильных фабриках учила работниц, как быстро и ловко присучивать нить. Девушки, завидя Валентину, порусски приветствовали: «Ура, учительница!» И в Гаване была, только там, к ее удивлению, самыми способными прядильщиками оказывались... смуглолицые мальчишки и подростки с проворными тонкими пальцами...

НАСЛЕДНИКИ

До чего же круты ступени на старых текстильных фабриках! Нет, не жалели заводчики-банкиры Рябушинские и им подобные хозяева своих юных работниц, когда строили эти корпуса. Впрочем, Валентина Ивановна не замечает крутизны, приходится останавливаться чуть ли не на каждом шагу. Все ее знают, у всех есть к ней дела. А одного рабочего окликнула сама: «Ты что здесь делаешь? Почему не на своем месте?» Когда тот, смущенный, отошел, объяснила: «Ему нельзя отлучаться, а он разгуливает. На заработке это скажется. Подумал бы о жене, которая лежит в больнице, и о детях». А с быстроглазой Галей Александровой, по мужу Буровой, и вовсе задержалась. Как же, та была во второй ее бригаде, состоявшей сплошь из пэтэушников. Теперь Галя сама бригадир. Надо узнать, как ей работается, и про других расспросить. Одиннадцать бывших учениц Валентины Ивановны стали бригадирами.

Но вот мы наконец на четвертом этаже, в ее родном цехе, как называет Гаганова прядильный цех № 1.

— Тут я работала...

Длинный корпус наполнен гулом машин, выстроенных двумя рядами. В широком коридоре меж ними ни души, хотя все крутится и движется. Где же тот

Оглушенный маленький проходик,
пряжей занавешен с двух сторон,
где за смену десять верст
проходишь
меж веселых громких веретен,
где, бывает, часто нитка рвется,
где она не думала о том,
что простенок этот распахнется
для нее невиданным путем?

Да, где же тот простенок, о котором писал Андрей Дементьев в своей поэме, посвященной знаменитой землячке?..

— В мое время тут не так было,— вспоминает Валентина Ивановна.— Проход был узенький-узенький, другой раз двоим не разойтись. Стояли только кольцепрядильные машины. Вон они, на самом конце справа, немногие еще уцелели. После меня тут уже другие машины, безверетенные, появились, совместного советско-чешского производства. На них работать намного легче. Ах, как они мне нравятся! С каким бы удовольствием поработала на них!

Гаганова не утерпела, подбежала к веретенам, присучила одну нитку, другую. Подошла к станку, поговорила с молоденькой девушкой в пестрой косынке. Между прочим, именно там стояли знамена и вымпелы, там работала Герой Социалистического Труда Валентина Гаганова.

Бежит время, совершенствуется не только техника. Из Пензы поступили еще более эффективные прядильные машины. На памяти Гагановой это уже третье перевооружение, и результаты налицо: раньше на прядильной фабрике работали три тысячи человек, теперь в два раза меньше. Такое же и в ткацких цехах. А пряжи и тканей выпускается намного больше. Меняется и совершенствуется форма и самая сущность организации труда.

— Вот возьмите бригады,— продолжала Гаганова в комнате старшего мастера, где мы укрылись от машинного гула,— они же стали совсем другими! В моих бригадах было по восемь—десять человек, и у каждой прядильщицы своя индивидуальная выработка. Теперь у нас бригады большие, комплексные, с единым нарядом и коллективной выработкой, построены с учетом калужского опыта. В ткачестве эти вопросы решаются медленнее, потому что там сохранилось много старого разнотипного оборудования. Поэтому тон на комбинате по-прежнему задают прядильщики, и меня, не могу этого скрыть, такое, конечно, радует. Особенно это видно в дни соревнования в честь 25-летия движения за коммунистический труд. На комбинате 2696 ударников коммунистического труда и 203 бригады коммунистического труда. Не обратили внимания, когда шли по улице Ленина, на лозунг «25 ударных недель — славному юбилею»? Рабочие стеклозавода «Красный Май», трикотажной фабрики «Парижская Коммуна», все вышневолочане стали на вахту.

— А как обстоит дело с гагановским движением? Есть ли сейчас продолжатели вашего почина?

— Жизнь, конечно, вносит свои поправки. Но мы, я и мои товарищи, те, кто начинал, кто первым переходил из передовых коллективов в отстающие, считаем, что в широко распространенном по стране соревновании «Ни одного отстающего рядом» предусматривается участие как отдельных рабочих, так и целых коллективов. Это и шефство и обмен опытом, и непосредственный переход руководителей. Так поступил, например, человек, которого я глубоко уважаю,— Сергей Александрович Казеннов. К слову, не молодой уже человек, постарше меня. Он возглавлял лучший на комбинате ткацкий цех № 4, работающий стабильно, надежно. Этот коллектив уже несколько лет оправдывает высокое звание коллектива коммунистического труда. Казалось бы, что может быть для Казеннова спокойнее: доработать до пенсии и с почетом уйти на

заслуженный отдых. Но Сергей Александрович поступил иначе. По своей доброй воле, никто ему об этом даже не намекал, перешел в самый отстающий ткацкий цех № 1. До него цех не выполнял плана. При нем с планом справляются уже третий год, поднялась производительность труда и заработки.

Весьма ценной считаю также инициативу нашей молодежи. Несколько лет назад три комсомолки прядильного производства Смирнова, Шевашкевич и Лаврентьева первыми выдвинули лозунг: «Каждому молодому рабочему производительность труда передовиков!» Комитет комсомола поддержал девчат. Инициатива получила широкое распространение среди молодежи не только города и области. Это и есть продолжение нашего дела.

Тут уместно сказать, что на комбинате организована школа мастерства и Гагановой была предоставлена честь открыть в ней занятия. Школа сыграла очень большую роль, комсомолки-энтузиастки удостоены премии Ленинского комсомола. Калининский областной Совет профсоюза и обком комсомола учредили специальный приз для победителей соревнования за досрочное выполнение планов и обязательств, носящий имя основоположницы гагановского движения, такой же приз и в Вышнем Волочке.

ДИАЛОГ

В своей речи на Всесоюзном совещании передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда в 1960 году Гаганова как о самом главном в работе и жизни бригады говорила о борьбе за нового человека, о воспитании человека с высоким, коммунистическим сознанием. Проблема эта всегда актуальна. Вот сейчас Валентина Ивановна предлагает познакомиться с бригадой прядильщиц Евгении Ерофеевой: на ее примере можно посмотреть, как это делается конкретно.

— Из какого цеха? Из первого, конечно,— смеется Гаганова.— Но это, уверяю вас, чистое совпадение. Просто эта бригада одна из лучших на комбинате. Кстати, интересна судьба самой Жени. Мать ее была ставильщицей бобин, но Женя вначале не пошла по ее стопам. Девять лет работала продавцом в магазине. Пришла к нам по острой необходимости, заметьте. Родился второй ребенок, а жила молодая семья все у матери, и Евгения обратилась к дирекции нашего комбината. Ей обещали помочь с жильем при условии, если она перейдет к нам. Поступила на отделочно-отбеливающее производство швеей, а потом сама попросилась на прядильную машину. Тогда как раз устанавливали новые БД-200-М69. Жене они пришлись по душе, очень ее заинтересовали сигнальные лампочки, высокие скорости — тут не соскучишься. В общем, осталась она. Уж и квартиру дали, не ей, а мужу, за тридевять земель от комбината. Казалось бы, все складывалось так, что она может уйти с чистой совестью. Обещанного, мол, не получила, ездить на работу далеко, двое детей. Причины уважительные, не осудили бы ее. Но Женя осталась. Большая, значит, у нее любовь, любовь к нашей профессии. Бригадиром назначили. Вскоре перешла в другую бригаду, где дела шли неважно, работницы избрали ее вожаком.

Дальше пришлось рассказывать самой Жене. Открылась дверь, и вошла, нет, величаво вплыла большая, высокая женщина, темноволосая, спокойная, с добрым лицом и внимательными глазами.

— Садись, подруга,—предложила Гаганова.— Приготовься отвечать на вопросы корреспондента... Бригада у тебя ведь большая.

— Двадцать три человека. Комплексная. У нас и поммастера, и транспортники, и смазчики. Двенадцать ударников коммунистического труда. Гордимся, что наша Валентина Петровна Громова не только первой в цехе, но и на комбинате закончила одиннадцатую пятилетку. Тридцать два года проработала тут. У нее много было учеников. Уже в этом году подготовила к самостоятельной работе самую молодую нашу, Светлану Полковникову. На днях ей исполнилось восемнадцать лет. У многих работниц среднее образование, у кого нет—тот учится. Двое—в техникуме, двое—в школе рабочей молодежи, а Зина Кобелева поступила в филиал Московского текстильного института.

Голос у Ерофеевой спокойный, ровный, не такой будоражаще звонкий, как у Гагановой.

— Бригада у вас, конечно, дружная, все хорошие и никого перевоспитывать не приходится?..

— Ну нет, этого я не говорила. Коллектив у нас сплоченный, это верно. Я часто бываю в общежитии, а девчата приходят ко мне домой. Мы и в кино вместе, на вечер, на концерт. Ездим на турбазу. Друг дружке помогаем. Девчата у нас очень хорошие, но перевоспитывать кое-кого приходится. Одну из девушек направили к нам принудительно: была уличена в попытке украсть. У нас уже год, как проработала, и никаких больше замечаний. Оступился человек, но понял свою вину. Учиться пошла. Есть, однако, пример и посложнее. Если человеку за сорок — как его перевоспитывать? И все же вышло по-нашему. Сначала увещевала: «Женя (он мой тезка); опять? Ну как тебе не стыдно? Ты посмотри на себя. Девчата смеются над тобой». А он: «Все, Евгения, все, не буду!» Вызвали на совет бригады. Первый раз поговорили по-хорошему, второй — по-жесткому: уволим! К жене обратились, она в ленторовничном цехе работает. Общими усилиями отправили лечиться. Вернулся. Подменял, и очень успешно, одного рабочего, который долго болел. Так что мы ему на совете бригады высокий коэффициент трудового участия начислили. Как уж он был рад!

— Значит, у человека совесть заговорила, сознательность пробудилась. С душой к человеку надо подходить,— поддержала Ерофееву Гаганова.— И он будет еще больше стараться. Воспитание — очень тонкое дело, требует терпения и энергии и от многих обстоятельств зависит. К сожалению, иногда все наши усилия, усилия партийных, профсоюзных и комсомольских активистов наталкиваются на такие препятствия, которые трудно преодолеть своими силами. Порой убеждаешь человека, что надо изменить отношение к работе и поведение, не подводить товарищей, но у него наготове уже свое: «Меня-то вы заметили, упрекаете, наставляете, каким надо быть. А что делают некоторые наши начальники, не видите? Может быть, порядок с них надо начать наводить?» Для таких высказываний, откровенно и честно говоря, порой есть все основания...

Гаганова говорила горячо, убежденно, со свойственной ей прямо-

Ирина Езюкова не только прядильщица, но и солистка ансамбля «Медок».

У всех к ней, Валентине Ивановне, есть дела...

той и нетерпимостью к недостаткам. Диалог, развернувшийся тут, стал своего рода перекличкой бригадиров двух поколений, для которых превыше всего интересы дела, забота об общем благе.

— Вот скажи, Женя, как работала ваша бригада в августе?

— Плохо сработали, останавливали оборудование. Хуже некуда: восемьдесят процентов плана. Ни разу такого не было. Семь месяцев с перевыполнением, и вдруг — провал.

— Ты, конечно, знаешь, почему?

— Кто же не знает? Не мы одни стояли. Всех коснулось. То тепла нет, то ровницы, а ровницы потому нет, что не было сырья.

— С теплом проблема будет решена. Расширяем ТЭЦ. Сами строим. Между прочим, а правильно ли то, что текстильщики перестают быть текстильщиками, строителями делаются? Вот вопрос, который нужно решать городу. Придется мне, как члену горкома партии, его поднимать. Ну, а что ты сделала как бригадир насчет ровницы?

— Наши девчата в ленторовничном работали, помогали там. Да и сейчас часто забирают их то туда, то на чесальные машины. А это очень плохо сказывается на бригаде, людей расхолаживает. Мы так радовались, когда создали у нас комплексную бригаду! Очень понравилось всем. А теперь бригаду рвут на части.

— Стоп, стоп! Вот тут-то ты и должна проявить себя как бригадир. Проверить, действительно ли есть в этом такая необходимость. Если есть — поддержи настрой в бригаде. Объясни, что это же временно, чтобы не расхолаживались. Моральный микроклимат надо сохранить во что бы то ни стало. Придумать что-нибудь, от тебя тут многое зависит. Поставь об этом вопрос в комитете комсомола, перед руководством, на «Дне открытого письма». Но не уходи от ответа.

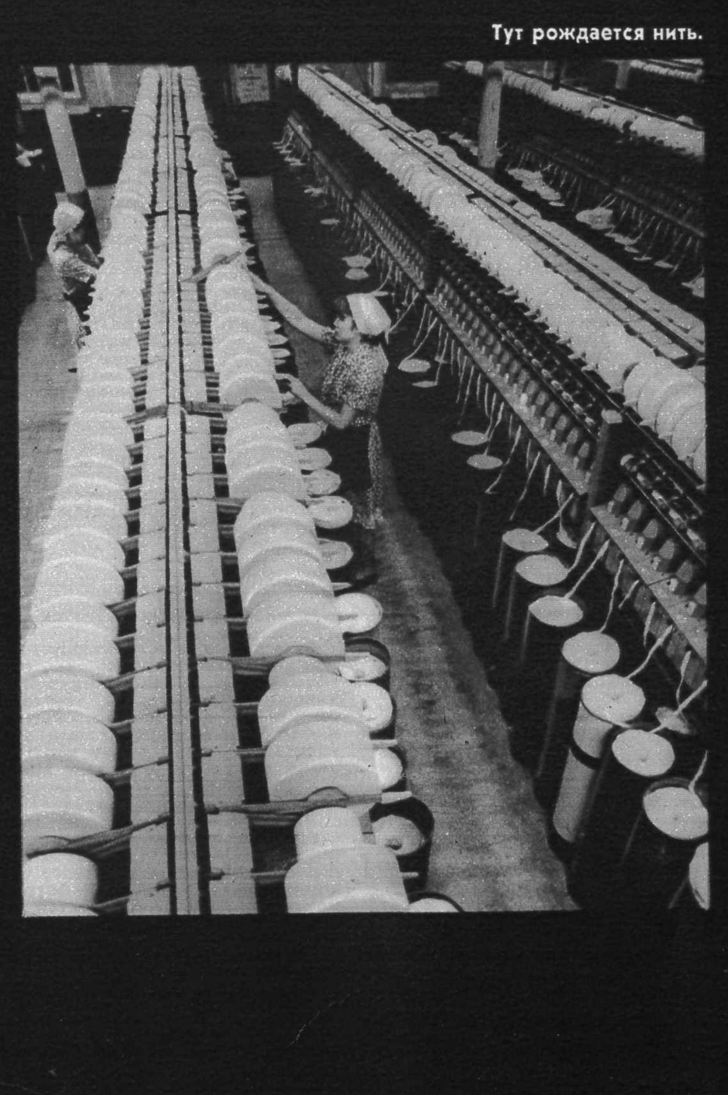
— А что же с хлопком-то делается? — в свою очередь, задала вопрос Ерофеева. — Мало того, что поступает он некачественным, с очень высокой засоренностью, мучаемся с ним, так вообще не получаем и такого. Может, узбекский хлопок до нас не доходит?

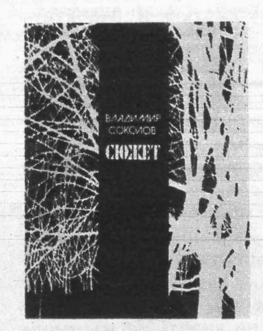
— Угадала, Евгения, как в воду глядела. И такое бывает. Клавдия Алексеевна Верина, главный инженер комбината, показывала мне сегодня утром телетайпограмму. Вагон хлопка, предназначенный Вышневолоцкому хлопчатобумажному комбинату, то есть нам, ошибочно направили... в Ленинград. Нарочно, как говорится, не придумаешь. Чья-то халатность, недобросовестность то ли диспетчера, то ли сцепщика вагонов, то ли ротозейство снабженцев, неправильно выправивших накладную... Воспитывать человека надо во всех звеньях, и не только убеждением. «Наверху», в объединении, в министерстве, должны докопаться до причин, чтобы виновники понесли наказание. Только так. Очень правильно сказал Ю. В. Андропов в своем выступлении на встрече с ветеранами партии в ЦК КПСС о том, что многое зависит от хорошо поставленной идеологической, политико-воспитательной работы. Но эта работа должна обязательно опираться на современную организацию труда, разумную расстановку людей, четкое материально-техническое обеспечение... Никак не выходят у меня из головы эти слова.

В бригаде Евгении Ерофеевой пополнение.

Тут рождается нить.

«ПОРА ПРОЛАГАТЬ ДОРОГИ...»

Стихи Владимира Соколова в последние годы нередко напоминают о возрасте: «...Пора подбивать итоги, пора отдавать долги». Но во всей книге я не услышал горестной ноты, в общем-то, естественной в размышлениях человека о пределе своего бытия на земле. С мудрым спокойствием Соколов обращает формулу «итогов» в

Владимир Соколов. Сюжет. Стихи и поэма. М., «Советский писатель», 128 с.

диалектическую противоположность: «Пора пролагать дороги и в долг выдавать — пора». Из нее можно делать выводы практического свойства, но уже не хочется, потому что Соколов — поэт тонкий, проникающий в сознание через сложность различных ощущений. Ведь рядом с такими открытыми для связей с деловой деятельностью строками можно встретить и другие, где выражено желание «о жизни мечтать, о бессмертии всегда, до последнего часа».

Общее ощущение таково, что стихи Соколова выражают здоровый дух и здравый, чуть притуманенный возрастной ностальгией взгляд на жизнь, прекрасную тем, что она дает возможность человеку до конца дней творить добро.

При этом нельзя не обратить внимания, как иногда, словно освободившись от груза лет и ощутив себя совсем молодым и дерзким, поэт выражает желание «влезть на колокольню — и как с мачты крикнуть над Москвой-рекой: «Земля!».

Так примерно к сегодняшним дням развивается «сюжет» лирики Владимира Соколова, оказавшего заметное влияние на поэтическое развитие последних десятилетий, особенно 50—60-х годов, где его теневое присутствие (на авансцене были другие) легко обнаруживается, занявшего одно из самых достойных мест в ряду современных поэтов, по-видимому, уже старшего поколения, хотя слово «старшего» по отношению к Соколову выговаривается еще не очень уверенно...

Соколов последних лет, Соколов «Сюжета» сохранил в себе свежесть восприятия и способность удивляться красоте живого мира. Он сохранил в себе интерес ко всему сущему, прежде всего к человеку, к его душе. «Чужая жизнь покоя не дает, мешает». «Мешает» оставаться спокойным. Обременяющее душу русского поэта во все времена: покоя нет! — с годами все больше обременяет Владимира Соколова. Вместе с опытом, возрастной мудростью возрастает сознание долга. Но не скудеют и чувства.

Бережливое отношение к человеческой душе в настойчивой попытке сохранить ее природные, генетические и благоприобретенные свойства в век жестоких противостояний и противоборств, сохранить для настоящего и для будущего, которое созидается величайшими усилиями нашего народа, с которым связываются надежды всего прогрессивного человечества, делает лирику Соколова современной. Его амбиции (не заявленные декларативно) в этом усилии подкреплены тем, что поэт «научился внимать тому, чему жить-поживать». Научился внимать чужому горю и чужой радости, чужим потерям и обретениям, чужим надеждам, научился, ибо смог воспринять их, как свои.

В век кризиса любовной лирики Соколов сквозь всю книгу ведет чистую, прекрасную мелодию любви. Вечерний отблеск на ней не лишает поэта радости испытывать это чувство, жить им, жить в убеждении, что даже неразделенная, даже осложненная драматическими коллизиями любовь облагораживает человека.

Мысль поэта сегодня пытается объять прошлое и настоящее, чтобы воспринимать будущее не как неизбежность, но как разумное продолжение жизни, как этап ее развития.

Для чего это нужно? Чтобы понять:

Ничего не дается нам свыше.
И сегодня уже не вчера.
Где-то рушатся теплые крыши,
Где-то тихо скрипят флюгера.
Сталь не ведает — поздно иль рано.
Я гляжу на нее в забытьи,
Так, как будто портальные краны —
Это лучшие птицы мои.

И я, как читатель, верю Соколову, когда он на возможную (а может быть, и обращенную к нему не раз) просьбу написать «что-нибудь о России», отвечает: «Все у меня о России, даже когда о себе». Верю, потому что помню его проникновенные строки о Родине, написанные в прежние годы, потому что почти на каждой странице новой книги ощущаю ее присутствие.

Поэма «Сюжет», давшая название книге, сама по себе заслуживает подробного разбора хотя бы потому, что она разрушает некоторые жанровые стереотипы. Классический «треугольник», вокруг которого завязан драматический узел, как раз толкает поэта на путь следования испытанным образцам, но нет, он отважно минует каноны, иронизирует по поводу лирических банальностей, пользуется свободой эксперимента. Что же касается ее мотивов, то они традиционны для Соколова, как и для всей поэзии: это внутренняя жизнь человека, поиски счастья, красоты, гармонии, бережливое отношение к любви — великому дару, которым природа награждает людей.

«Сюжет» как книга показывает Владимира Соколова в пору зрелости и в движении, в исканиях, в углубленном человекопознании.

Ал. МИХАЙЛОВ

ГОДЫ ДАЛЕКИЕ И БЛИЗКИЕ

Широкому кругу читателей Николай Горбачев известен как автор книг о Советской Армии. В 1981 году за роман «Битва» он был удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Новый роман писателя, «Белые воды», первая книга которого только что вышла в издательстве «Советский писатель», открывает иной пласт в его творчестве: основные события развертываются в суровые годы Великой Отечественной войны на далеком Рудном Алтае, где герои самоотверженно добывают свинец, крайне необходимый фронту. И хотя события военных лет, далеких и всегда для нас близких, казалось бы, происходят не на линии фронта, а вдали от него, за горными хребтами Алтая, люди и здесь живут так, как «война диктует». Особенно запоминается колоритная фигура рабочего свинцового завода Федора Пантелеевича Макарычева, а также его двух взрослых сыновей — Андрея и Константина, секретаря горкома партии Куропавина. Выразительны и другие герои, чьими руками и чьим умением ковался фундамент великой нашей победы и — что не менее важно! — создавался также прочный фундамент современного научно-технического прогресса.

Чувство повышенной гражданской ответственности не только перед своим временем, но и перед будущим, перед самой Историей получило художественное воплощение не просто в отдельных высказываниях героев, а прежде всего в их непосредственной работе, в отношении к делу. Картины напряженного труда рабочих, их глубокое осознание нужности этого труда нашли правдивое, гражданскй страстное решение в этом романе. И партийный работник Куропавин, и старый, умудренный жизненным опытом рабочий Федор Пантелеевич, и его сверстник Садык Тулекпаев, и многие другие герои достаточно убедительно подтверждают эту мысль писателя. Мы как бы видим отражение непростых судеб человеческих в судьбах общенародных, соединение личности трудового человека с движением истории страны. А ведь это и есть первейшая задача нашей литературы, имеющей испытанные традиции в освещении темы труда и человека труда.

Именно такие герои, как Садык Тулекпаев и Федор Макарычев, готовы близко к сердцу принять слова Куропавина в минуты аварии на заводе: «В кусты прятаться негоже! Вот и давайте перед людьми, перед государством, перед фронтом, если хотите, отвечать, как справляемся с задачей, какая цена нам тут с вами...»

В целом роман Николая Горбачева, которому в эти дни исполняется 60 лет,— значительное явление нашей современной литературы, синтезирующее богатый и ценный опыт показа пафоса индустриального строительства и внутреннего мира человека, духовное и гражданское формирование которого успешнее всего проходит именно в атмосфере созидательного, творческого труда.

Н. БУХАНЦОВ

ПОКОЮ ВОПРЕКИ

Не так давно поэт Сергей Островой перешагнул порог семидесятилетия. Возраст, что ни говори, почтенный, пора подведения жизненных и творческих итогов, вызывающих в воображении «бронзы звон или гранита грань» и воплощаемых обычно в солидном томе избранного...

Сергей Островой. Годы. Новая лирика. М., «Советский писатель». 224 с.

Островой же отметил знаменательное событие в своей жизни, как ныне принято говорить, в рабочем порядке — выпуском в свет очередного сборника стихов «Годы», подзаголовок которого — «Новая лирика» — красноречиво и недвусмысленно свидетельствует: автор отнюдь не собирается почивать на лаврах, довольствуясь содеянным. Нет, он по-прежнему в гуще тем и замыслов, с живым интересом всматривается в приметы настоящего и грядущего: «Что там брезжит впереди?» Отсюда и самопризнание поэта:

А я ищу не тихого привала,
А я хочу — покою вопреки,—
Чтоб в каждой ветке музыка играла...

Музыка жизни влечет поэта. «Я живу размашисто. И громко. Мне бы тише жить — да не могу»,— заявляет он. «Сердцем кривить не умею. А уж тем паче строкой». В этих строках все: и бойцовский характер Острового-человека и поэтическая концепция его. Весь сборник, от первого стихотворения до последнего, пронизан чувством авторской неуспокоенности, он воспринимается как непрерывный монолог поэта перед невидимой, но ясно чувствуемой требовательной аудиторией, разговор-импровизация человека, который шел в долгой жизни «нет, не по накатанной дороге, нет, не через розовые дни» и в конце концов постигает, что:

Главное на свете — есть деянье.
Вот что остается на земле.

Отсюда и раскованность ритма, разговорные интонации и полемическая заостренность иных стихов книги:

Возраст — это не сколько ты прожил,
А сколько тебе остается жить.

Отсюда же и встречающиеся порой риторические вопросы, на которые автор не всегда находит убедительные ответы, а также сентенции и декларации, сыздавна излюбленные пародистами Острового... Сам поэт знает этот «грешок» за собой: «Люблю дроздов. И сам, бывает, тоже в счастливый день люблю давать дрозда».

Но здесь же, в сборнике, немало строк, привлекающих тонким лиризмом, пластикой и живой образностью. Песенное начало, столь ценимое в творчестве Острового композиторами, чувствуется в таких стихах, как, к примеру, «Окошко», «На юг, на север...». Поэт видит и «осени ноги босые» и как «тетеревиные красные брови хмурит заря». Близки ему в своей неповторимости и приморский городок, в котором «выбежали улочки, как дети, да и захлебнулись синевой», и река, которую, оказывается, можно любить, «как женщину,— до любого ее завитка»... Любовь к близким естественно перерастает в любовь к матери-Родине, отчей земле:

Припадаю к ней снова и снова,
Отдаю, ничего не тая.
В ней твердыня моя. И основа.
И душевная прочность моя.

Следует подчеркнуть, что в этих строках поэт выступает совсем не в виде умиротворенного созерцателя, он активно не приемлет «неподвижность души» тех, кто выбросил «над забытой траншеей серый флаг равнодушья», не жалеет иронии и сарказма в адрес «добротворцев за казенный счет», гребущих под себя. Он, «чья жизнь была войной багрима, знавший фронтовую маету», не может не беспокоиться за будущее человечества, самой жизни на Земле:

Звучит антенна моей души
Тревожным голосом века.

И в этой постоянной обеспокоенности, душевной настроенности на позывные жизни секрет творческой активности С. Острового, залог успеха этого сборника и его новых стихов и книг.

Иван ИСАЕВ

ФРОНТОВИКИ

Владимир ЕРЕМЕНКО

РАССКАЗ

Рисунки А. ЛУРЬЕ

А через неделю Иван Порфирьевич опять появился в Москве, уже один. Он возвращался с торжеств в Волгограде, переполненный впечатлениями, и безудержно говорил, стремясь одним махом выложить все, что его так взволновало там:

— Потрясающе. Я встретил своего убитого командира взвода. На моих глазах его убило. И танк переехал через него, а он, оказывается, остался живым. И знаете, приехал в Волгоград... — Русакович, словно задохнувшись, обрывает рассказ, роется в карманах и, переведя дух, добавляет: — Вот тут его адрес. Он живет в Белой Церкви... Знаете, я его не признал, а он меня увидел и угадал, подходит и говорит:

— Я Горовенко Федор Лукич, ваш командир взвода.

— Так ты же убитый...

— А я и правда был убитый. — Показывает изуродованную правую руку, и на голове у него в лобной кости вмятина. — Да вот воскрес...

Ну, обнялись. Плачем. На нас смотрят фронтовики и тоже плачут. Слез в Волгограде много было. Состарились солдаты, и слезы теперь у всех близко...

— А как Николай Иосифович Толпеко? — вспомнил я его разговор о слезах.

— Он молодцом держался, — ответил Русакович. — Все свои позиции искал... Да где там, домов понастроили, улицы по-другому спланировали, оврагов тех нет, где мы на брюхе ползали да в окопах, в блиндажах мерзли... А вот место, где его ранило, нашел. От берега Волги искал. В том месте немцы близко к реке вышли. Всего какие-то сотни метров оставались. А наши уцепились и не сдвинулись дальше. Там его и ранило... — И тут же, будто вспомнив важное, добавляет: — А вы все же напишите по этому адресу Федору Лукичу... Всякие, конечно, случаи на войне бывали. Но такой... Я ведь видел его убитым, документы у него взяли, а оно, видишь, как обернулось дело... Я вот теперь думаю: и другие ведь ошибки могли быть. Война... Что она только делала с людьми, проклятая.

После долгого молчания спрашиваю у Русаковича:

— Ну, а с Зайцевым вы встретились?

— Да, встретились... Повидались, конечно. А поговорить как следует не довелось. Он с большим военным начальством все время был. Занятый. Немножко посидели в его гостинице. И то при людях. Он просил, чтобы вы ему книжку свою про Сталинград выслали. Это ведь все наше... Трудное, а наше.

Я выполнил просьбу Зайцева, выслал книгу, написал письмо, в котором спрашивал, нет ли у него известий о семье Грязевых.

Василий Григорьевич ответил:

«Прочитал все рассказы в сборнике. Все они жизненно устойчивые, потому что это правда. Но в отдельных местах допущена неточность. Например, нашего летчика убил не офицер, как рассказывает Иван Порфирьевич. Это было 20 октября на территории метизного завода. В моем присутствии обгоревший летчик без сознания лежал в воронке, парашют развевало ветром, к месту падения бежали со своей стороны фашисты и мы. Первыми оказались гитлеровцы, но они при отходе в свои траншеи попали под пулеметный огонь и все замертво легли под полотнищем парашюта.

Окончание. См. «Огонек» № 40.

Бой за летчика шел до вечера. Первым к парашюту от нас подобрался медфельдшер Леонид Зыкин. Но он оказался в окружении фашистских солдат.

Фельдшера Зыкина в этом бою ранило. Только вечером мы установили, что летчик был наш. В этом бою я, как командир взвода, был старшим...

Вы верно пишете о сгоревшем танке. Он стоял на нашей территории. Под танком был снайперский пост. В конце сентября под этой машиной погиб снайпер Коллентев. Он родом из города Томска. В вашей книге Иван Порфирьевич рассказывает, как погибла медсестра Клава. Надо полагать, И. П. имеет в виду медсестру Свинцову — жену командира 2-го батальона капитана Котова.

Если речь идет о ней, то к этой сестре относились все с большим уважением. Любили ее солдаты не за большие черные глаза, а за мужскую храбрость в бою.

Погибла Клава не на Мамаевом кургане, как рассказывает И. П., а в овраге Долгом 28 января 1943 года, перевязывая тяжело раненного командира второй пулеметной роты капитана Большешапова. Однако в то время И. П. уже был ранен. Видимо, он имеет в виду другую Клаву. Сколько было их, этих беззаветных Клав, Наташ, Маш, дорогих наших сестричек, оставшихся навсегда на той войне.

Вы спрашиваете о Грязеве. К сожалению, о нем ничего нового не знаю.

С И. П. Русаковичем встречался в Волгограде на праздновании сороколетия со дня разгрома фашистских войск.

Он по-прежнему скромно-порядочный человек. Другой бы на его месте всех бы на дыбы поставил и медицину на помощь призывал (ведь у него столько ранений!), а своего места среди достойных защитников Родины добился. А он вот такой человек. Есть эти люди, и ими наша земля держится.

С уважением. Зайцев».

Я переслал копию этого письма Ивану Порфирьевичу. Хотелось уточнить факты и события тех боев, про которые мне рассказывал Русакович, а вот теперь Зайцев.

Пришел ответ Ивана Порфирьевича.

«Получил от Вас письмо и сразу отписываю. Оно меня огорчило. Неужели война все перепутала в моей голове? Правда, и немудрено. С прошедшими по дорогам войны от звонка и до звонка такое, видно, могло случиться. Но я многое помню и не забуду до самой смерти. Видел, как горели наши города и села, видел муки наших людей, и сердце мое, и разум мой требовали только мщения за многострадальную Родину и каждая моя мысль была: только бы уничтожить фашистскую гадину. Вы знаете, до сталинградских сражений я побывал во многих передрягах, и в боях был два раза ранен, но еще раз прошу поверить мне: таких тяжелых боев, как в Сталинграде, не было нигде. Они самые кровавые и упорные.

Вы знаете, наша 284-я дивизия, которой командовал Батюк, пришла в Сталинград после Родимцева, в сентябре и до 19 января 1943 года я был в боях у нефтяных баков, на улицах Артиллерийская и Дивизионная, на территории метизного завода, но больше всего на Мамаевом кургане. А 19 января, будучи уже командиром стрелковой роты, был ранен...

Все это в моей памяти застряло навсегда. Я сменил за войну за войну с ранениями пять армий и дивизий. Позабыл имена даже командиров полков и батальонов, но Сталинград я помню. Один раз мне только пришлось побывать на берегу Волги за все время боев в Сталинграде. Это было тогда, когда Василий Григорьевич ушел от нас и стал снайпером. Он бывал у нас и после. Я часто встречал его, когда Василий Григорьевич после «охоты» приходил к нам.

В дивизии три полка, оборону мы держали в разных местах, и Василий Григорьевич все не мог видеть потому, что он «охотился» за фашистами в разных местах. К тому же он часто бывал на берегу, где готовил группу снайперов...

Теперь, что касается летчика-героя, который таранил немецкий самолет и упал в районе Дивизионной улицы, недалеко от огневых позиций минометной роты лейтенанта Бездитько.

По рассказу Василия Григорьевича, Бездитько где-то живет на Украине, в Сумской области, и, если он не забыл, может подтвердить. Но я хорошо помню то событие так, как вам рассказал. Может, это был другой летчик?

Господство фашистской авиации тогда было велико, сбивали и фашистов и наших, а насчет боя за летчика, про который пишет вам Василий Григорьевич, то если он длился от утра и до позднего вечера, то, будучи все время непосредственно на передовой, я не мог не участвовать в этом бою. Тут что-то не так. Видно, Зайцев ведет речь о другом случае.

Насчет Клавы. Все же Клаву я знал хорошо. Может быть, я перепутал ее имя, но ту медсестру, о которой я рассказывал, помню. Ее убило, когда было еще тепло, приблизительно в конце сентября или в начале октября.

Зайцев вспоминает про подбитый танк. Разве один только танк был подбит или уничтожен на Мамаевом кургане, где каждая фашистская атака поддерживалась танками?!

Тот танк, о котором я рассказывал, стоял на ничейной, западной стороне от наших траншей. Были случаи, когда он оказывался на нашей стороне вблизи, ведь Мамаев курган переходил из рук в руки, но в то время он стоял на ничейной, и я хорошо помню, что после возвращения из своего трехдневного «сидения» под танком я узнал, что убило политрука моей роты.

Я вам рассказывал о командире взвода из Белой Церкви Горовенко, который числился в списках на Мамаевом кургане погибшим и остался живой. Он действительно был в моей роте и командовал взводом. Но ведь прошло сорок лет, мы совсем другие стали, и мне помнится этот его подвиг из-за давности, как в тумане...

Я хотел вспомнить с Василием Григорьевичем подробно всю нашу войну в Сталинграде на той встрече, но она была очень короткая. Если будет здоровье, постараюсь еще раз встретиться с ним в Киеве.

Несколько слов о нашей жизни.

Пенсия моя была 114 руб., но в связи с постановлением о 20-процентной надбавке буду получать больше. И я доволен этим.

Конечно, пришлось поработать еще военруком до конца учебного года.

С первого июня хочу отдохнуть, уйти совсем на пенсию. Все вспоминаю, как был у вас, как ездил в Волгоград. Ведь сорок лет прошло. Столько с тех лет в Волге воды утекло, а в нашей жизни случилось много разных событий, но память не дает покоя... Столько крови пролито, столько дорогих товарищей полегло.

Тяжело было ходить по сталинградской земле, но я все же доволен поездкой.

На торжествах Василий Григорьевич все время был среди ветеранов своей 62-й армии. Он служил в ней до конца и после ранения. Ему легче было вернуться в нее. Он герой, знатный защитник.

А я просил, чтобы меня после ранения направили в свою часть, но не вышло. Просился в войска, которые освобождали родную Белоруссию, и тоже не получилось. Вызволяли другие места, и прошел в 100 км от моей родины. На войне по твоей задумке бывает редко...

Вот и все, что хотел написать. До свидания.

С уважением к Вам. Русакович.

13 апреля 1983 г.».

Прочитал это письмо Ивана Порфирьевича и еще раз подивился причудам нашей памяти. Года смывают одни события и факты, другие наслаивают и смешивают их. Два человека, свидетели одних и тех же событий, рассказывают о них по-разному. Я и за собой не раз замечал эту огорчительную забывчивость и смещения. Да и немудрено, столько воды в Волге утекло, жизнь прошла, как говорит Иван Порфирьевич, где ж тут все упомнишь.

Однако в нашей памяти, в нас навсегда остается та боль потерь и утрат, которые принесла война, и, видно, вечно будет жить чувство благодарности к тем, кто пал рядом и прикрыл нас. И еще одно. Я не раз задавал себе вопрос: почему ветераны-фронтовики, которых все меньше остается среди нас, так часто и много говорят о минувшей войне? Не потому ли, что она пришлась на их молодость? Ведь молодость, даже горькая, остается молодостью. Это я еще раз почувствовал, когда пришло письмо от «убитого» Федора Лукича Горовенко. Письмо объемистое, в нем было несколько машинописных страниц, которые Федор Лукич так и называл: «Воспоминания о прожитом времени моей молодости в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.».

В текст вложен рукописный листок, по которому и без извинительной приписки в конце было видно, что писал он левой рукой. Стелющиеся справа налево рубленые слова рассказывали все о той же встрече ветеранов в Волгограде, а затем приписка: «Я посылаю вам свои военные воспоминания молодости и другие документы в копиях. Если они вам понравятся и пригодятся, буду очень рад».

Стал читать, и меня опять отнесло в осень сорок второго, в ту нескончаемую войну, которая причинила людям столько горя и страданий.

«Когда пришла война, я работал электрослесарем, — начинает свой рассказ Горовенко. — Жизнь была очень хорошая. Я особенно остро чувствовал это. Мне ее жалко и сейчас.

Фашисты уже полтора месяца топтали нашу землю. Пошел я в Макеевский горвоенкомат, прошусь добровольно в Красную Армию. Два раза мне отказали. И только 11 августа пришла повестка.

Попал я в военно-пехотное училище, в г. Рубцовск Алтайского края. Училище окончил, получил воинское звание младшего лейтенанта и был направлен в действующую армию на Брянский фронт. Воевали под станцией Касторная, а потом под Воронежем и в других местах. Бои были сильные. Помню, части нашей 284-й стрелковой дивизии долго держали оборону на реке Олым.

В нашем 1045-м стрелковом полку я провоевал командиром взвода до 5 августа 1942 года, но так как дивизия потеряла много личного состава и боевой техники, ее отправили на отдых и формировку на Урал.

Отдых, формировка, получение техники и обучение пополнения шли до 8 сентября 1942 года. Потом объявили тревогу, и нужно было уезжать на фронт. Когда мы шли по лесным тропам к станции, а потом оказались на поляне, я увидел много незнакомого народа. Тут же узнал, что в нашу 284-ю с/д прибыло несколько тысяч моряков Тихоокеанского флота и солдат-сибиряков. Мне отсчитали взвод моряков, я посадил их в машину, и мы двинулись на железнодорожную станцию. Погрузились в эшелоны и прямиком на фронт.

Ехали мы спешно, и все понимали, что направляемся к Сталинграду, где уже шли ожесточенные бои.

21 сентября начали переправляться через Волгу в Сталинград. Погрузили нас на баржу, а на середине реки фашисты обстреляли нас из крупнокалиберного пулемета. На наше счастье, все обошлось благополучно, потерь не было. Нашей 284-й стрелковой дивизии была поставлена задача занять оборону в районе метизного завода, мясокомбината и оврагов Банный и Долгий, восточнее Мамаева кургана.

Наш полк двигался по набережной Волги, чтобы занять оборону в намеченном месте. Господство в воздухе было тогда за противником. Десятки самолетов непрерывно бомбили наши позиции. Тогда много погибло, еще больше было раненых.

Гитлеровцы прорвали оборону, и в наш тыл прошли танки, а за ними просочились автоматчики.

С оставшимися в живых солдатами моего взвода мы продолжали движение к намеченному пункту обороны и вступили в бой. Навстречу двигались два немецких танка. Первый танк был удачно подорван. Со второго танка гитлеровцы начали отчаянно строчить из пулемета. Я был без каски, и пуля сбила мне пилотку. Подхватил пробитую пилотку и, помню, крикнул ребятам: «Это для музея!», — запрятал ее под гимнастерку на грудь. А оттуда достал морскую бескозырку с лентой Тихоокеанского флота.

Многие моряки нашей дивизии тогда храни-

ли у себя под гимнастерками бескозырки. Бросил в танк бутылку с горючей смесью, и он загорелся, но справа появился третий танк. Я попытался бросить в него гранату, но оступился, и танк сбил меня, отбросив в окоп. Сильно контузило.

Не знаю, сколько я пролежал там, в окопе, но он спас меня. Танк проутюжил окоп и проскочил, а я лежал без сознания полузасыпанный землей. Потом очнулся и помню, что кто-то меня повел на переправу к Волге. Так я оказался в полевом госпитале в хуторе Бурацком, на левом берегу Волги. Я полностью потерял зрение, и меня мучили сильные головные боли. Но человек я был молодой, здоровый, и скоро дело пошло на поправку. Вернулось зрение, ушибы и помятая рука стали заживать, а потом ведь и лежать в госпитале рядом с фронтом, где бьются твои товарищи, совесть не позволит. И скоро я оказался опять на правом берегу, в Сталинграде.

Когда меня увидели живого мои товарищи, они удивились.

— Ведь твой взвод и ты... все вы погибли...

Я ответил, что вот он я, жив. И еще пошутил: «Тихоокеанские моряки так сразу не умирают». И достал из-под гимнастерки бескозырку. «Вот этот «талисман» меня и спас».

В полку мне временно дали должность командира взвода полковой разведки. Я выполнял задания командира полка. Однажды командир полка вызвал меня и говорит: «Нужно сейчас, немедля, в дневное время, перебраться на левый берег Волги и завтра утром доставить сюда пополнение». Это была почти невыполнимая задача — в дневное время переправляться через Волгу равносильно самоубийству. Вся река здесь строго контролировалась противником. Немцы открывали огонь даже по одинокому бревну, плывущему по Волге.

Но приказ есть приказ. И вот я и два сержанта подошли к Волге, нашли лодку, вычерпали касками воду. Подобрали палки вместо весел. Ребята говорят: «Страшно».

— На войне везде страшно, — отвечаю я. — Задачу нужно выполнять.

Достал из-под гимнастерки свой талисман-бескозырку. Натянул на голову.

— Она нас спасет, — подбадриваю ребят. — Моряки ведь.

Поплыли. Пока крутой берег скрывал нас, все шло хорошо, а как только выплыли к середине, нас сразу заметили и начали лупить из спаренных минометов и артиллерии. Гребем. Да где там!

Первый залп ударил метрах в двадцати—тридцати от нас, колыхнуло сильно волной, но удержались. Второй — рядом. Лодку вместе с нами подняло вверх, перевернуло, и мы выпали из нее. Немцы подумали, что уничтожили нас, и больше огня не открывали.

А мы в это время собрались возле перевернутой лодки и вплавь вместе с нею и под ее прикрытием не спеша стали добираться до левого берега. Когда почувствовали под ногами берег, дружно побежали в укрытие. Немцы обнаружили наш обман. Залп фашистов угодил прямо в лодку, и она разлетелась в щепки. Но мы уже добежали до укрытия и были невредимы.

К вечеру получили пополнение — 450 человек, а ночью должны были начать переправляться через Волгу.

Примерно в час ночи мы погрузились на паром, и маленький катерок потащил нас через реку. Немцы обстреливали реку и ночью, но такого прицельного огня, как днем, они уже не могли вести. Мы плывем, вокруг рвутся снаряды и мины. Кажется, уже доплыли до середины, когда в паром, в его носовую часть, попал снаряд. Паром начал крениться и тонуть. Мы стали выпрыгивать в воду. А немцы увеличили огонь. Начиналось утро, много солдат было ранено и утонуло. Но все же пополнение прибыло в истекающий кровью Сталинград.

На берегу мы вылили воду из сапог, выкрутили обмундирование, привели оружие в боевую готовность.

Привел я пополнение в свой полк, связные развели солдат по подразделениям. Мне тоже выделили группу бойцов, и мы получили боевое задание: выдвинуться в сторону оврага, откуда прорвались танки и до батальона пехоты. Тогда мы и подбили два танка и отсекли автоматчиков.

Помню бойцов, которые участвовали в уничтожении этих танков. Среди них были Дяченко, Степанов, Калянов...

Закончив бой, мы стали продвигаться возле одного дома, чтобы занять новые позиции. С крыши по нам застрочил автоматчик. Заместитель командира роты Габдыня Л. П. бросил в слуховое окно гранату, и автоматчик замолчал.

Мы полезли на чердак и обнаружили за дымоходом «лежак». На нем устроился огромного роста гитлеровец. Заметив нас, он попытался выстрелить, но кто-то выбил у него автомат, и мы пленили его. И сразу свирепый детина стал другим. Он вынул из кармана фотографию жены и детей: мальчика и девочки лет 4—5 и на ломаном русском языке стал что-то объяснять и просить пощады. Мы изъяли у него все документы и оружие, а он все дрожит и сует нам неотправленное письмо своей фрау. Я спросил: что же ты, фриц, пишешь? Наверное, сообщаешь, что Сталинград скоро возьмешь? А он перепуганно лопочет: «Гитлеру и нам всем в Сталинграде капут». Противно было смотреть на этого вояку.

Я обратил внимание, что одет наш пленник в широкие брюки и в сапоги с широкими голенищами. Когда тщательно осмотрели фрица, то оказалось, что в голенищах было четыре автоматных рожка, а на ремне обнаружили еще две сумки по четыре рожка с патронами. Все это мы, конечно, отобрали — 640 патронов к автомату, пять гранат, два пистолета. Мы тогда еще подивились этому военному снаряжению и подумали, что долго нам придется выковыривать из щелей и подвалов этих вояк. Ну, а фрица отправили в штаб.

Только слезли с чердака и начали продвигаться, как увидели, что на нас идет танк. Мы метнулись к стене дома, но нас, видно, заметили из танка. Ударили термитным снарядом. Стена рухнула, и нас придавило.

Очнулся я через трое суток в госпитале, в Средней Ахтубе. Потом нас перевезли в госпиталь в Ленинск, а дальше всех тяжелораненых переправили в город Энгельс, под Саратов.

Здесь мне сделали капитальную операцию, вынули много осколков, и врач сказал: «Жить, парень, будешь».— И, показав горсть осколков, хотел еще что-то добавить, да удержался.

Но я понял, что дела мои грустные...

Ранения я получил тяжелейшие: был разбит череп в левой части головы, сотрясение мозга, ранение в шею, спину, живот, правую руку и левую ногу. Перевезли меня в другой госпиталь, уже в Казахстане, и там продолжались операции и лечение. Ремонтировали меня девять месяцев, только на одной спине пролежал шесть месяцев, подвешивали кирпичи, чтобы нога разгибалась. Много всякого я вытерпел и перенес. Даже теперь больно вспоминать.

Но все же остался живой, а ребята, которые были со мной, видно, все погибли. А, впрочем, может, кто и выжил, как я. Ведь только фамилию Л. П. Габдыни мне довелось встретить среди убитых. Она написана там же, где и моя, на знамени № 31, на Мамаевом кургане.

8 мая 1943 года выписался из госпиталя. Негоден к воинской службе, со снятием с военного учета, инвалид Отечественной войны 2-й группы.

Мне было 22 года.

Что было делать? Куда идти? На родине моей еще хозяйничают фашисты. Кто я без армии? Немощный инвалид, и все... Путаются в моей голове тяжелые вопросы и не могу ничего придумать для своей жизни путного. А потом вдруг как обожгло. А никуда я из армии не пойду. Не пойду, и все! Так и командованию заявил. Я человек настырный.

По моему настоянию меня оставили служить в рядах Советской Армии, и служил я на разных должностях до 8 марта 1961 года. Даже звание мне повышали, а по выслуге лет был уволен в отставку.

В настоящее время работаю машинистом компрессорно-аммиачных установок управления торговли города Белая Церковь. Живу как все. Есть семья. Да, вот еще какой случай я забыл рассказать вам.

В 1944 году я служил в Донбассе. А это ведь мои родные места. Командир части дал мне отпуск, чтобы я проведал свою мать. Ее я не видел с 1937 года и всю войну не получал от нее писем. Душа болит по матери: как она там? Отправился. Как-то добрался, а потом пятнадцать километров отшагал до села Бийвцы возле города Богуслава. Это было 28 мая 1944 года. Пришел я домой в три часа ночи. Постучал в окно. Мать откликнулась, и вышел у нас с нею такой разговор:

— Кто там?

— Я, мама.

— Кто ты?

— Да твой сын, Федор!

— Как Федор? — И голос у мамы сорвался.— Федора убили...

— Да ты посвети, мама, я это.

Тут она засуетилась, вздула огонек, разглядела меня, отодвинула засов, на грудь упала, ощупывает меня, а руки не слушаются, дрожат.

— Похоронка на тебя пришла, сынок,— сквозь слезы прорывается ко мне голос.— Смирилась уж, что не увижу тебя больше...

Такое разве забудешь?..

Все дальше уходят события Великой Отечественной войны в историю, но у нас, фронтовиков, они навсегда остались в нашей памяти и никогда не изгладятся.

Через тридцать четыре года Волгоградский горком ВЛКСМ мне прислал вот это сообщение:

«Министерство культуры РСФСР
Дирекция памятника-ансамбля
«Героям Сталинградской битвы»
г. Белая Церковь, Киевской обл., ул. Январский прорыв, д. 23, кв. 15.

ГОРОВЕНКО Ф. Л.

Уважаемый Федор Лукич!

Волгоградский горком ВЛКСМ сердечно поздравляет Вас — ветерана Великой Отечественной войны, участника Сталинградской битвы с 34-й годовщиной со дня разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом.

Желаем Вам, Федор Лукич, крепкого здоровья, бодрости духа и долгих лет жизни!

Одновременно сообщаем, что Ваша фамилия, инициалы и воинское звание занесены на знамя в Зале Воинской славы памятника-ансамбля «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане; знамя 31, вторая колонка, 31 строка сверху.

С уважением
Секретарь Волгоградского
горкома ВЛКСМ
П. Беляков
№ 56, 4 февраля 1977 г.».

Сталинград для меня родной дом, где я дважды был ранен, где столько потерял дорогих друзей и товарищей.

Всякий раз, поднимаясь на Мамаев курган, я стою, склонив голову, в Зале Воинской славы, где высечены имена погибших защитников Сталинграда. Между ними — мой лучший друг, грузин Габдыня Л. П.

С грустью и гордостью я смотрю и на свое имя, которое значится среди тех, кого давно нет, кто навсегда остался таким молодым, каким был и я когда-то. И, конечно, я понимаю, что эти строки среди тысяч и миллионов жизней, отданных за нашу Отчизну,—высокая честь и награда. Награда за ту кровь, которую я пролил на этой священной земле».

В конце воспоминаний был приложен список одиннадцати участников Сталинградской битвы, оставшихся в живых. Их имена, как и имя Горовенко, навечно написаны на стенах в Зале Воинской славы памятника-ансамбля на Мамаевом кургане.

В заключение этих записок о фронтовиках мне хочется привести его:

АШАСТИН В. А., ВИХРЕЕВ Г. П., ГОРОВЕНКО Ф. Л., ГОЛУБКОВ Б. Л., МУСАТОВ И. И., РЫБАЛКИН М. Г., СКЛЯРОВ А. С., СУББОТА И. К., ТЕБЕКИН А. И., ШАМАЕВ М.

Доброго вам здоровья, воскресшие из мертвых. Живите долго!

Экзаменует Арктика

Фото В. ДАНИЛЬЧЕНКО, Ю. ИЛЬЕНКО и С. МАЙСТЕРМАНА (ТАСС)

Недавно всю нашу прессу обошли сообщения об арктической экспедиции газеты «Советская Россия», участники которой проехали на собачьих упряжках более десяти тысяч километров по побережью Ледовитого океана — от Уэлена до Мурманска. «Выдающееся достижение», «Смелый поход», «Трасса мужества» — вот какие заголовки встречали мы в газетах и журналах. Писатели и ученые, знаменитые полярники и просто восхищенные необычным экспериментом люди делились своими мыслями о том, как полезно и в наш технический век еще раз подтвердить огромные физические резервы, скрытые до поры до времени в человеке, как важно проверить себя и буквально на пределе возможного достичь поставленной цели...

Но нет-нет да и прозвучит вопрос: зачем они шли?

Зачем? Вот как оцениваются основные результаты арктической экспедиции «Советской России». Поставленные перед жесткой необходимостью делать в пути жизненно необходимые выводы, сравнения и оценки, участники экспедиции разглядели множество больших и малых проблем, которые до сих пор как-то ускользали от общего внимания. Компактная радиоаппаратура в условиях Арктики — проблема, одежда для северян — проблема, содержание телевизионных программ для жителей Заполярья — тоже проблема, да еще какая! А кто еще так внушительно смог бы сказать, например, о необходимости возрождения собачьих упряжек как важнейшего транспорта в снегах, об острой нужде в питомниках ездовых собак! И это лишь самые, так сказать, близлежащие из вороха проблем, поднятых экспедицией...

Впрочем, о ее сегодняшних делах, о том, как идет обработка собранных материалов, мы попросили рассказать одного из участников перехода — сотрудника журнала «Уральский следопыт» Ю. С. БОРИСИХИНА.

— Вожак моей бывшей упряжки Султан сейчас мохнат и бел. После чукотских и якутских снегов, гигантских ледовых натеков Таймыра, качающегося решета припаев Югорского Шара арктический пес уже привык к климату средних широт и теперь неплохо вписался в зеленый сосновый клин, пересекший Свердловск. Я закрепляю его поводок карабином на своем поясе, и мы бежим. Свердловск, конечно, не заменит нам снежной пустыни, но поддерживать форму надо... Знаю, что где-то на сопках Уктуса Володя Рыбин так же «накручивает» со своим Медведком обычные двадцать километров. Сергей Соловьев, наш руководитель, с Дружком огибает залив Шарташа. Отстегнул для тренировки двух Бимов, прошедших все десять тысяч километров от Уэлена до Мурманска, штурман Павел Смолин...

Вот мы и дома. Наша полярная экспедиция вернулась в Свердловск. Собак, конечно, мы привезли с собой — не могли расстаться. Теперь всем нам нельзя медлить и часа: надо восстанавливать силы. Сразу после экспедиции ребята отлежали положенное время в больницах, все-таки дорога оказалась трудней, чем мы думали, физическое и психическое истощение было, конечно, крайним. У Володи Карпова позади третья операция на ноге... Но теперь вроде бы все посвежели, приступили к обычным занятиям, вернулись к привычной жизни. Но мы стали другими...

Чем-то нынешняя осень напоминает осень прошлого года, когда заканчивали приготовление к полярной экспедиции в Арктику. И сегодня, встречаясь, мы всерьез подумываем о следующем походе — от Уэлена до Находки. Но только подумываем. Ибо работы после окончания экспедиции непочатый край.

Каждый вечер мы собираемся в экспедиционном центре. Здесь идет обработка научных материалов, разбор обширной почты. Пишут отовсюду, больше всего с Севера. Мы и сами удивляемся, как много вопросов, проблем и просто чувств всколыхнуло наше путешествие.

Взгляните на карту. Острым серпом выгнулся полярный круг, подпоясав Арктику. Там, за этим условным пунктиром карты, не изведанные пока богатства недр и знаний, к которым понемногу, как бы частями приобщались Дежнев и Беринг, Русанов и папанинцы. В наши дни — разнообразные, хорошо оснащенные, многочисленные комплексные экспедиции. И вот — мы на собачках... А все же ученые, заслышав о нашем переходе, заинтересовались возможностью получить уникальный материал по экологии, экономике, медико-биологии, проблемам выживаемости человека в условиях полярной ночи. Заинтересовался комсомол большим воспитательным резонансом перехода. А вот как напутствовал нас председатель Президиума Уральского научного центра Академии наук СССР академик С. В. Вонсовский: «Экспедиция поможет нам, ученым, выработать, согласовать точку зрения на освоение бескрайних советских арктических богатств...»

Мы пересекли, если взглянуть на карту, маршруты всех полярных экспедиций последних восьмисот лет. Собственно, таков возраст исследований российской Арктики вообще. Но мы чувствовали себя как бы первыми, ибо в Арктике нет проторенных дорог.

Каждый из нас брал от Арктики свое. Научная работа Сергея Соловьева как раз касается размещения производственной инфраструктуры на Севере. Штурман Павел Смолин вез на титановых нартах уникальный прибор в арктическом исполнении — магнитометр. Володя Рыбин собирал богатый материал по проблемам адаптации, выживаемости, психологической совместимости в экстремальных условиях. Мне пришлось в жесточайшие якутские морозы вести съемку советской кино- и фотоаппаратурой...

Я пишу эти слова, а перед глазами картина: синяя непроглядная, как-то по-особому одинокая полярная ночь. Метет пурга. Всюду холод — леденящий, обжигающий, сковывающий душу холод. Страшно подумать, что придется скинуть на секунду варежку — обморожение обеспечено! И вот мы, застыв, молча смотрим, как штурман Паша Смолин с головой накрывается оленьей малицей будто шатром и начинает колдовать с промерзшим насквозь магнитометром — снимать показания... Или вспоминается, как на Таймыре после изматывающего перехода — 160 километров за сутки — Сергей Соловьев идет не на отдых, а... на встречу к нефтяникам Хатанги: у него там беседа со специалистами, обмен мнениями... Как сейчас вижу Володю Рыбина на третьей неделе голодания. В раскисших болотах Припечорья он месит и месит ногами грязь наравне со всеми, а потом, когда все отдыхают, ведет медицинские замеры и никому не передоверяет свои тяжелейшие заботы о вымотанных упряжках... Я такими вижу моих друзей, и мне не стыдно по-мужски восхититься ими.

Сотни бесед, тысячи анкет ради тетради цифр, дневников, записей, наблюдений (одних публичных встреч проведено около 200), сотни фото-, кинопленок лягут в основу научных отчетов. Я, например, в своих рассказах подвержен какой-то магии слова «все». Мы видели все охотничьи избушки Арктики, все поселки, все полярные станции. И мне кажется, это великое «все» вот-вот приоткроет нам какую-то очень серьезную тайну великого многонационального Севера. А как долго и как утомительно было идти на огни арктических поселков, которые там видно километров за сорок! Казалось, они не приближаются, а уходят от нас. И, знаете, не тепло, не сытная еда, не отдых виделись нам в тех огнях. Люди! Незнакомые, но родные люди! Увидеть улыбку, услышать пусть даже не совсем понятные сначала слова, почувствовать тепло рукопожатия — это казалось счастьем. Ребята согласятся со мной — это родство человеческое было самым важным открытием для каждого из нас...

Но все-таки я задаю ребятам вопрос: «Коротко, о самом главном: польза экспедиции?»

С. Соловьев: «Мы шли по землям 28 национальностей Севера. Надо во что бы то ни стало учесть их опыт общения с Арктикой. Мы имели редкую возможность познать их опыт в сравнении».

В. Рыбин: «Выводы медико-биологических наблюдений уже сводятся к формуле: будь смелей, человек! Не будем отрицать, что мы, шестерка, имеем на этот призыв некоторое моральное право».

Ф. Ардеев: «Мы видели Арктику не только своими глазами. Мне кажется, что через нас всматривались друг в друга чукчи, эвены, якуты, долганы. Я словно чувствовал себя представителем всех этих народностей — и одновременно моего родного ненецкого народа. Это не только слова. Я, например, сам лично испытал одежду без малого десяти народностей. Вы знаете — вся по плечу!»

В. Карпов: «Моя радиостанция и радиостанции базовых групп установили связь более чем со ста пятьюдесятью странами мира. Я не знаю, чего было больше в этих радиообменах — информации, науки или просто человеческого интереса. Эфир Арктики невероятно сложен: то мы не могли кого-то понять, то нас не понимали, но слово «Россия» безошибочно принималось всегда».

П. Смолин: «ЭВМ сейчас расшифровывает данные магнитометра. Мы прощупали сигналом громадные куски побережья. Практически мы держали пульс на каждом бугорке, каждой речушке Арктики. Потом, когда экспедиция финишировала, мне запомнились теплые, ободряющие слова, сказанные на приеме в Москве кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров РСФСР Виталием Ивановичем Воротниковым о нашем вкладе в решение проблем Севера».

...И еще воспоминание — самое последнее об экспедиции. Мы ехали на упряжках по Свердловску, сквозь живой коридор встречавших нас земляков. И сквозь возгласы, крики чаще всего слышалось слово «спасибо». Это была для нас и благодарность, и искупление всех наших трудов, и самая высшая оценка. Как хотите, но наш народ зря такого слова не говорит.

Свой путь экспедиция начала с Чукотки * Якутия встречала участников перехода белым безмолвием.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Полярная ночь, мороз, штормовой ветер... Упряжки идут след в след.

Цезарь СОЛОДАРЬ

Укрыватели

ЗАПРЕЩЕННЫЙ «СВОБОДНЫЙ» ДОСТУП

«В Центре документации работа кипит,— восхищается сионистский журналист.— Саймон рассказывает, что каждый месяц в архив поступает 3—4 тысячи запросов. Исследователи западных государств, считающихся в США дружественными, получают свободный доступ к документам».

Какая именно работа «кипит» в целендорфских бункерах ЦД — об этом речь пойдет несколько позже. А сейчас на конкретных примерах посмотрим, каков же он — «свободный» доступ граждан стран, которые считаются в США дружественными, к тайнам американского учреждения в Западном Берлине.

Докторант К. Лутц, гражданин, достаточно, надо полагать, дружественного США американского сектора Западного Берлина, по образованию историк, избрал для диссертации на соискание ученой степени доктора тему «Прибалтийские немцы в национал-социалистской партии». После многомесячных исследований молодой историк располагал уже небольшим, но точным списком членов НСДАП из прибалтийских немцев, чьи биографии собирался положить в основу своей диссертации. Ему, однако, требовались еще некоторые дополнительные сведения о нацистском прошлом этих лиц — естественно, материалы можно было извлечь из их личных дел, запрятанных в скопище захваченных американцами нацистских документов. Подчеркиваю, Лутц ни в коей мере не намеревался заниматься в бункерах ЦД каким бы то ни было поиском новых преступных имен. Хотя, безусловно, обнаружил бы их там немало!

Как заведено американской администрацией ЦД, докторант направил запрос на интересующие его документы не прямо в ЦД, а сенатору Западного Берлина по внутренним делам.

Четыре недели и так и этак прощупывали в сенате и дирекции ЦД просьбу западноберлинского историка. Наконец пришел долгожданный ответ: в архиве действительно есть личные дела всех без исключения перечисленных в запросе Лутца нацистов.

— Есть! — обрадовался докторант.

Но...

За чем же дело стало? Только, оказывается, за тем, что на основании высоких, дескать, принципов «защиты данных» доступ к нужным историку документам может быть разрешен только после получения «заявления о согласии от лиц, которых это касается, а в случае их смерти от их ближайших родственников». Иначе говоря, будь Лутц не исследователем, а следователем, то к расследованию преступления мог бы приступить, только получив официальное согласие... самих подследственных!

Следы интересовавших историка нацистов и их родственников затерялись где-то в странах Латинской Америки. Предположим, Лутцу удастся связаться с кем-либо из них, но разве можно представить себе нациста, соглашающегося на обнародование обличающих его преступления документов!

Так преисполненный лучших намерений докторант остался у разбитого корыта.

Даже верный друг и единомышленник американской военной администрации доктор Эккерхард Врук, видный адвокат и член фракции христианско-демократического союза в западноберлинской палате депутатов, и тот посочувствовал историку, перед которым властно опустила шлагбаум дирекция ЦД. Этому сочувствию грош цена. Для мистера Саймона мало что значат любые западноберлинские власти (как, впрочем, и власти ФРГ). Он ведь отчитывается только перед властями США.

Какими? Дипломатическими? Сомнительно. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Хотя партия Врука при всяком удобном и неудобном случае старательно подчеркивает, что «следует подвести черту под прошлым», адвокат в высокопарном стиле дал журналистам интервью об общественном интересе к научно-историческим публикациям и самоотверженно признал, что «на основе информации иногда должны подвергаться нападкам даже политики». Как видите, дотошный адвокат из ХДС заранее усмотрел в бывших нацистах — ни больше ни меньше! — нынешних политиков. Свое интервью Врук закончил лицемерным вздохом: «Я сам охотно просмотрел бы материалы Центра документации».

Зачем? К чему напрасный труд? Служитель западноберлинской Фемиды, предусмотрительно назвав «политиками» укрывшихся в Латинской Америке нацистов, и без знакомства с бумажными залежами ЦД прекрасно сознает, как много гитлеровских преступников находится на свободе потому прежде всего, что изобличающие их документы запрятаны за семью печатями в бункерах на Вассеркёферштайг, 1, и Клейаллее, 170.

«Заступничество» депутата от ХДС не помогло Лутцу: в трогательном единении с западноберлинскими властями американские руководители ЦД дали исследователю внушительный поворот от массивных ворот приозерных вилл специального назначения. Факт весьма поучительный для прочих историков, журналистов и родственников жертв нацизма: нечего, мол, соваться на целендорфские виллы со своими запросами. Нечего рассчитывать на «небрежную снисходительность» американских сотрудников ЦД.

Ее почему-то очень опасается советник западноберлинского сената Венкхаймер. Ему все мерещится, что американцы могут отступить перед напором лиц, пренебрегающих упоминавшимися уже принципами «защиты данных». Особенно боится Венкхаймер настырных научных работников: «Ученые без нужды звонят во все колокола: мы получаем любую информацию». Господин советник не прихвастнул: он действительно принадлежит к небольшой кучке избранников, имеющих доступ в бункера ЦД. Речь идет о нескольких десятках проверенных (кем?) государственных служащих ФРГ и Западного Берлина, твердо убежденных в том, что на целендорфских виллах собран «чрезмерно актуальный» архив. Что спрятанные там документы «представляют собой политическую бомбу замедленного действия». Что взрыв этой бомбы может принести непоправимый вред тысячам немцев за один только факт их пребывания в национал-социалистской партии».

Исключителен ли эпизод с западноберлинским докторантом К. Лутцем?

Не исключителен, а типичен. В доказательство приведу более поразительный эпизод — здесь дирекция ЦД действовала уже заодно с чиновниками министерства внутренних дел ФРГ, ибо граждане этой страны могут адресоваться в американский ЦД исключительно через данное министерство.

БЫВШИЙ ШТАНДАРТЕНФЮРЕР, НЫНЕШНИЙ МИЛЛИОНЕР

Расскажу о попытке трех граждан ФРГ ознакомиться с личным делом штандартенфюрера СС Курта-Александера-Эрнста Бехера. Останавливаю свой выбор на нем вовсе не потому, что об этом матером нацистском преступнике, одном из наиболее доверенных эмиссаров Гиммлера, компаньоне Эйхмана по людоедским деяниям, палаче Белоруссии и Венгрии, оптовом и розничном торговце узниками-евреями, деловом партнере сионистов, сначала подсудимом американского суда, а затем агенте американской разведки и т. д. и т. п., мне уже доводилось писать в «Огоньке» и в книге «Дикая полынь».

Не менее аргументированно и точно я мог бы рассказать здесь и о других сподвижниках Гиммлера и Кальтенбруннера, совершивших не меньше кровавых преступлений, чем упомянутый штандартенфюрер.

Пишу же я о штандартенфюрере Курте-А.-Э. Бехере преимущественно по той причине, что сейчас мне известны и те годы его жизни, которые не отражены в скрытом от людских глаз личном нацистском деле гиммлеровского доверенного. Точнее, я мог бы, будь в этом потребность, подробно рассказать о послевоенной карьере мультимиллионера, владельца нескольких торговых фирм с разветвленными международными связями, хозяина и покровителя укрывшихся в его фирмах нескольких десятков нацистских преступников разного калибра, крупного западногерманского дельца, проживающего в Бремене на Шваххаузерландштрассе в доме № 180.

Уже после выхода из печати «Дикой полыни» я узнал много весьма существенных подробностей кровавой карьеры Бехера из вышедшей в Дортмунде документальной книги «Кровавые следы». Авторы, прогрессивные западногерманские публицисты Юнге, Поморин, Биман и Бордиен, посвятили гиммлеровскому особоуполномоченному по депортации еврейского населения в газовые камеры целый раздел своей острой, впечатляющей книги. Очень доказательно отражен в ней и варварский путь штандартенфюрера к богатству: он нажил миллионное состояние на сделках с сионистскими эмиссарами. По их спискам Бехер за огромный выкуп переправлял в нейтральные страны «ценных» для сионизма людей — тех, кто имел там богатых родственников или солидные вклады в банках, а также специально отобранную для колонизаторских злодеяний в Палестине молодежь. Книга «Кровавые следы» убедительно показывает, что далеко не случайно американские оккупационные власти четырежды помогали Бехеру уйти от наказания за военные преступления в Белоруссии, Польше, Венгрии, Австрии. Из трех тюрем и двух лагерей ускользал «полезный американцам» штандартенфюрер, метко прозванный своими менее удачливыми сообщниками «белой овцой в черной СС».

Угоди Бехер под суд, получили бы огласку десятки кощунственных сделок приближенных Гиммлера с агентами крупнейших сионистских лидеров в Голландии и Венгрии. Обнаружились бы факты таинственных встреч Бехера с американскими «доверенными лицами» еще в ноябре 1944 года в Цюрихе. Документированы были бы зверские расправы эсэсовской части штандартенфюрера Фёгеляйна в Польше и Белоруссии. Беспощадно истребляя белорусский народ, Бехер беспрекословно руководствовался таким приказом Гиммлера: «Все подозреваемые в помощи партизанам подлежат рас-

Продолжение. См. «Огонек» № 40.

◂ Сеанс радиосвязи в условиях Арктики — сложная задача * Одна из редких путевых встреч с журналистами, снимок на память: Ф. Ардеев, Ю. Борисихин, П. Смолин, В. Рыбин, В. Карпов, С. Соловьев и вожаки собачьих упряжек * Маленький праздник: получена почта! * Маршрут завершен! Так Мурманск встречал экспедицию.

стрелу. Женщин и детей вывезти. Деревни сжечь полностью. Всех евреев расстрелять. Женщин-евреек загнать в болота. Требуются жестокие действия и неукоснительное претворение в жизнь идей фюрера».

Страницы «Кровавых следов» об эсэсовских деяниях Бехера приводят читателя в содрогание. Хотя многое из сказанного о нем четырьмя западногерманскими авторами было уже известно мне и отражено в «Дикой полыни», их строки глубоко взволновали, потрясли меня.

И все же, честно говоря, я чувствовал: как и мне, западногерманским авторам далеко не все, видно, известно о первых этапах нацистской карьеры скромного конского барышника Бехера, о корнях особенного расположения к нему Гиммлера, о мотивах многочисленных награждений, о тесных связях со многими видными нацистами, сумевшими не только уйти от ответственности за свои злодеяния, но и занять видное служебное положение в ФРГ. Назовем некоторых: генерал в отставке Отто Виннельман, командующий войсками СС и начальник полиции в Венгрии, на совести которого жизни сотен тысяч людей, стал в ФРГ президентом союза служащих полиции, представителем ХДС в муниципалитете Бордесхольма и главным советником по вопросам кадров полиции земли Шлезвиг-Гольштейн; подлежащий суду Венгерской Народной Республики Карл Крумхольц, начальник штаба упомянутого Виннельмана, пригрет в звании майора полиции Западного Берлина; бывший эсэсовец и нацистский агент Адольф Михаэлис выплыл в почетной роли руководителя отдела «Восточный блок» в федеральном ведомстве печати и информации.

По какой же причине, думалось мне, в беспощадном и правдивом повествовании западногерманских публицистов, целеустремленных и настойчивых, все-таки проскальзывают «белые пятна»? Ведь в противоположность мне они собирали документальные материалы о гнусных делах Бехера не только в Польше и Венгрии, но и в самой Германии, прежде всего в городах, где начиналась и протекала его нацистская карьера. Вскоре я узнал, что и сами авторы «Кровавых следов» чувствовали острую потребность в дополнительных материалах, в некоторых уточнениях, в архивных данных о нацистском прошлом эсэсовского штандартенфюрера, превратившегося в ворочающего миллионными операциями коммерсанта.

Литераторы, естественно, обратились в ЦД, где, по словам Рейнхарда Юнге, американцы как им захочется распоряжаются «центральной картотекой членов национал-социалистской партии Германии». Руководители ЦД и не подумали опровергать наличие в своих архивах всей нацистской документации о штандартенфюрере-миллионере. Но, как рассказывает Юнге, «доступ к нужным нам документам мы могли бы получить лишь в том случае, если бы сам Бехер милостиво дал на это согласие».

ТАМ СЛЫШИТСЯ СТУК НАЦИСТСКИХ САПОГ

Знакомый поворот событий! Точно так же, помните, ответили и докторанту — историку Лутцу. К законному ходатайству видных публицистов, граждан ФРГ, не затронутый (вероятно, покамест!) «запретом на профессию», работающий на западноберлинской территории гражданин США Саймон отнесся так же полицейски беспардонно, как и к аналогичному ходатайству гражданина Западного Берлина.

Таков он, практикуемый американцами «свободный» доступ к погребенному в бункерах нацистскому архиву.

А правительственные деятели ФРГ, как они к этому относятся?

«Западногерманские власти,— обоснованно отвечает на этот вопрос последовательный и мужественный борец с неонацизмом Рейнхард Юнге,— упорно отказываются от передачи им этого архива, потому что демократические силы ФРГ могут потребовать свободного доступа к документам. Журналистам и историкам стало бы намного легче выяснять, кто из бывших нацистских преступников занимает сегодня ответственные посты. А это надо сделать во что бы то ни стало, чтобы помешать гитлеровцам замести следы своего кровавого прошлого».

Военные юристы и разведчики из американских оккупационных войск сразу же после войны помогли замести кровавые следы палачу-штандартенфюреру. Продолжая позорную эстафету, американские руководители ЦД ныне помогают замести кровавые следы президенту бременской биржи зерна и фуража, президенту совета импортеров и оптовых торговцев зерном и фуражом, видному деятелю «союза в защиту социального рыночного хозяйства», члену именитой «палаты судоходства» — тому же Курту-Александеру-Эрнсту Бехеру. Помогают не только ему, но и десяткам бывших эсэсовцев и штурмовиков, пригулбленных Бехером в многочисленных филиалах его международных торговых фирм.

Даниэль Саймон предельно сдержан и лаконичен в своих интервью. Но в знак особого расположения к сионистскому журналисту господин директор поделился с ним кое-какими «сенсационными», на его взгляд, деталями.

«Вот этот отдел самый интересный во всем нашем архиве,— воскликнул он, указывая на тесно заставленные добротными папками полки в одном из подземных помещений.— Каждая папка — личное дело эсэсовца. В нем фотографии, характеристики и даже генеалогическое древо любого из 300 000 офицеров СС и их жен. Если офицер СС собирался жениться, он должен был получить разрешение начальства, а для этого следовало подать заявление с приложением генеалогического древа своей семьи и семьи избранницы сердца не менее чем за последние 20 лет. Гитлер хотел таким образом,— делает в заключение «открытие» Саймон,— сохранить чистоту арийской расы».

Подумать только, какие «откровения»! Лучше бы господин директор признал, что в личных делах офицеров СС (а их, кстати, в ЦД лежит не 300 000, а более 600 000!) точно отражены все их шаги вверх по служебной и партийной лестнице и выполненные злодейские поручения. Точнее говоря, личное дело эсэсовского офицера — это своеобразный лицевой счет совершенных им преступлений.

Господин директор до того разоткровенничался со своим израильским единомышленником, что даже поделился собственными эмоциями: «Знаете, иногда у меня бывает впечатление, что я нахожусь в аду,— вздохнул Саймон, выходя из «генеалогического» отдела в коридор.— Особенно ночью. Когда я работаю поздно, мне иногда кажется, что вот-вот раздастся стук нацистских сапог...»

Мистеру Саймону, конечно, известен простейший способ избавиться от ночных кошмаров: нужно рассекретить доверенный ему «ад», обнародовать утаенные там документы и сделать все для того, чтобы стук нацистских сапог раздался наконец в суде, когда разоблаченные преступники проследуют на скамью подсудимых.

Но вашингтонским шефам Саймона такое решение вопроса нежелательно. Да и представители ФРГ «не стимулируют», как выразился бременский журналист, их к этому.

Конечно, о радушном отношении ЦД к некоторым привилегированным визитерам из ФРГ не говорится ни словечка в откровениях Саймона. Строжайше запрещено упоминать об этом и его подчиненным. Но порой и им дозволяется выступать с «сенсациями», рассчитанными прежде всего на желтую прессу. Именно из недр ЦД в ней появились сообщения о документальных доказательствах сексуального разгула развратника Гиммлера и о реакции на это «благопристойного» фюрера. Сделано это было сотрудниками ЦД далеко не бескорыстно. Что ж, у каждого свой бизнес! Но не только бизнес: подобные сообщения время от времени нужны для того, чтобы создать впечатление, что в ЦД «кипит работа», что архивы «изучаются».

Кое-кому, впрочем, американцы охотно открыли доступ к стеллажам в бункерах.

Одним из первых высокопоставленных западногерманских посетителей оказался генерал-лейтенант бундесвера, начальник Федеральной разведывательной службы Герхард Вессель, несколько лет кряду занимавший этот высокий пост. При желании генерал без труда мог бы ознакомиться и со... своим личным делом, заведенным НСДАП еще в 1940 году, когда Вессель начинал карьеру офицера разведывательной службы фашистского вермахта. Мог начальник федеральной разведслужбы ознакомиться еще с двумя весьма небезынтересными для него личными делами: своего предшественника генерала Рейнгарда Гелена, считавшегося при Гитлере «незаменимым специалистом по Востоку», и своего заместителя, в прошлом кадрового фашистского офицера Хорста Вейдланда, дослужившегося при федеральном канцлере Кизингере до генеральского звания.

Кстати, о Кизингере. Объемистая папка с его личным делом стоит на одном из самых «почетных» стеллажей главного бункера ЦД — ведь Курт Георг Кизингер, бывший председатель ХДС, возглавивший в 1966 году правительство ФРГ, вступил в нацистскую партию еще в 1933 году, а в годы второй мировой войны состоял при «штабе психологической войны» в ведомстве главного гитлеровского дипломата Риббентропа.

Двери ЦД были широко распахнуты не только перед Весселем и Геленом. Гостеприимно встречали там и других привилегированных клиентов из ФРГ. Назовем, к примеру, Альберта Радке, известного гитлеровского разведчика. Такая биографическая деталь нисколько не помешала Радке занимать второй по значению пост в контрразведке ФРГ с 1951-го по 1964-й, официально известной под благопристойным названием Федерального ведомства по охране конституции. И не случайно вскоре же после ознакомления с архивами ЦД Радке сумел увеличить штат своей конторы на несколько десятков так называемых высококвалифицированных наблюдателей. Как уточняет в своей документальной книге о подрывной деятельности секретных служб ФРГ «Тайное становится явным» Юлиус Магер, «завербованные сотрудники этой служебной категории используются для систематической негласной слежки и наблюдения за подозрительными лицами».

Очевидно, тех же самых граждан ФРГ, за которыми следят ищейки Альберта Радке, считают подозрительными и американские руководители ЦД — в противном случае разве они пособили бы ему столь любезно подобрать с помощью архивов испытанные и проверенные нацистами кадры провокаторов.

Охотно удовлетворяет дирекция ЦД также запросы Федеральной разведывательной службы. Хотя она является ведомством ФРГ, у нее — в нарушение действующего соглашения четырех держав о статуте Западного Берлина — есть резидентура и в этом городе. И прежде всего через своих западноберлинских коллег работники центра Федеральной разведывательной службы в Пуллахе, а также ее филиалов в Гамбурге, Бремене, Бонне, Кёльне, Франкфурте-на-Майне, Дармштадте, Карлсруэ, Мюнхене и других западногерманских городах добывают в ЦД нужные им сведения. Западноберлинским разведчикам рукой ведь подать до бункеров ЦД!

ВОТ ОНА — РАБОТА, КОТОРАЯ «КИПИТ»

Какие же все-таки из трех-четырех тысяч ежемесячных запросов встречают в ЦД благосклонное внимание? На какие документы оно распространяется?

На те, что не столь уж сверхсекретно сберегаются — в наземных помещениях, а не в бункерах. Собраны они в архивном фонде под названием «Документация о реэмигрантах». Если немцу, переселяющемуся в ФРГ из другой страны, где он родился или жил (или, бывает, «попал» во время второй мировой войны), требуется доказать свое немецкое происхождение, сотрудники ЦД с готовностью идут навстречу такому «фольксдойче»[1]. Благо фюрер еще при зарождении фашизма распорядился завести соответствующую документацию — он ведь рассчитывал на господство «арийской расы» над всем миром.

«Документация о реэмигрантах» тоже могла бы в определенной мере помочь разоблачению нацистских преступников — ведь в гитлеровском рейхе всю деятельность немцев за границей координировало разведывательное «Центральное бюро фольксдойче» (ФОМИ). Оно принадлежит к нацистским разведслужбам, признанным Международным военным

[1] В основе этой готовности лежит пресловутое понятие гитлеровского законодательства о «двойном гражданстве», ныне демагогически применяемое и сионистскими правителями Израиля. Они ведь считают гражданина еврейской национальности, скажем, Бельгии или Румынии одновременно гражданином Израиля. Сионистская пропаганда настойчиво твердит о священном долге такого лица выполнять указания израильских властей, а также служб международного сионизма, олицетворяющих мифическую «всемирную еврейскую нацию».

трибуналом в Нюрнберге преступными организациями. Особенно ревностно служили гитлеровскому режиму некоторые фольксдойче в соседних с Германией странах. Они выполняли противозаконную роль «ауслендерабвера» — резидентов гитлеровской военной разведки за границей. Значит, и среди возвращающихся в ФРГ фольксдойче, несомненно, имеются нацистские служаки.

Но как их разоблачить, если документальные материалы о них ЦД выдает только властям ФРГ и только по просьбе... самих фольксдойче. Ни один из них, ясное дело, не обратится с такой просьбой, если знает свои прошлые заслуги перед нацизмом и понимает, что обращение к нацистским архивам может документально напомнить об этих заслугах.

И все же ради «документации о реэмигрантах» американцы не расширяли бы и без того достаточно вместительные бункера, не тратились бы на электронную сигнализацию, не натаскивали бы сторожевых собак. Документы, нужные реэмигрантам, можно было бы хранить и без таких чрезвычайных мер предосторожности.

Однако отнюдь не помощь настоящим и придуманным фольксдойче имел в виду сионистский журналист, безмерно восторгаясь тем, как «работа кипит» на американских «фермах» в Западном Берлине.

Его восторг вызвала совсем иная «кипучая работа» сотрудников ЦД: их энергичные **усилия по пересъемке на микропленку всех запрятанных в бункерах нацистских документов.** Всех! Даже если их окажется намного больше, чем «приблизительно» 25—30 миллионов. Не случайно израильский корреспондент Грэн так изложил ответ Саймона на вопрос, когда же наконец нацистские архивы будут переданы властям ФРГ: «Американцы твердо решили передать архив лишь тогда, когда последний документ будет переснят на микропленку».

Корреспондент многозначительно добавил: «Однако США не торопятся».

Действительно, не торопятся. Хотя часть материалов уже переснята и отправлена в США. По этому поводу западноберлинские журналисты грустно острят: а не придется ли им для ознакомления с любым документом из нацистских архивов лететь в американский городок Пало-Альто, где в специально построенном здании хранятся микропленки.

Кому же действительно подчинен в Соединенных Штатах Центр документации в Западном Берлине?

* * *

Чтобы аргументированно ответить на этот вопрос, я обстоятельно ознакомился с книгой «Заграничная служба США». Ее автор, профессиональный американский дипломат У. Уэнделл Бланке, подробно описывает «структуру и штат большого американского посольства, в котором находит отражение широкий круг деятельности США». Бланке приводит подробный перечень всякого рода служб и отделов — огромный, включающий даже представителей пресловутого «корпуса мира»,— в открытую занимающихся не только миротворческими делами. Хотя автор подчеркивает «большой удельный вес информационной службы» американских дипломатических представительств любого значения и назначения, в их структуре невозможно найти что-либо сходное с Центром документации в Западном Берлине. Дипломатией здесь и не пахнет. Зато на версту отдает смрадным запахом шпионажа.

Справедливости ради признаем, что солидная книга «Заграничная служба США» все же называет некоторые учреждения и представительства, действующие за рубежом под прикрытием американских дипломатических вывесок. Например, группку агентов разведки под весьма звучным, но туманным названием «отдел политической координации». «В государственном департаменте,— как указывает гамбургский журнал «Штерн»,— руководимых Фрэнком Визнером «политических координаторов» именуют проще и точней: «специалисты по грязным трюкам». А когда заходит речь о борьбе с коммунизмом (при Рейгане эту борьбу возвели в ранг антикоммунистического крестового похода), некоторые вашингтонские деятели самодовольно утверждают, что по сравнению с визнеровскими «координаторами-трюкачами» работники ЦРУ — «компания болтунов и сплетников».

Деятельность группы красноречиво характеризует такой факт: еще летом 1948 года Фрэнк Визнер встретился в Западном Берлине с Геленом, о деятельности которого в гитлеровской разведке я уже рассказывал. К тому времени Гелен успел навестить Вашингтон и в Пуллахе под Мюнхеном под надежной охраной приступил к составлению «списков нацистов из Восточной Европы, которых Визнер рассчитывает использовать в борьбе против большевизма».

Конечно, Гелен использовал для этой гнусной цели нацистские архивные документы из 36 стальных ящиков, украденных и вывезенных им в конце войны в укромный баварский уголок. Правда, по сравнению с залежами в бункерах ЦД эти три десятка ящиков — капля в море. Что ж, агенты Визнера не преминули зачерпнуть из моря — они систематически роются в папках на стеллажах ЦД. Возможно, именно в этих папках они и обнаружили убедительные основания для присвоения американского гражданства кучке отъявленных нацистских наймитов. Таких, как Радослав Островский, глава прогитлеровского «правительства» во временно оккупированной Белоруссии; Франц Кушель, заправлявший гитлеровской полицией в Минске и непосредственно повинный в депортации 40 тысяч узников в лагеря смерти; Станислав Станкевич, лично руководивший истреблением 7 тысяч евреев в Борисове. Не исключено, что за этих палачей ходатайствовал в Вашингтоне лично Гелен — ведь нам с вами, читатель, известно, что перед ним и его коллегами по шпионажу Веселем и Радке сразу же гостеприимно распахнулись бронированные двери бункеров ЦД.

И все же, несмотря на то, что даже «координаторы-трюкачи» пользуются вывеской государственного департамента, приходится согласиться с большой группой историков, обозревателей и архивистов, уверенно называющих истинным хозяином ЦД не госдепартамент, а то ведомство США, которое действительно может извлечь — и извлекает! — реальную для себя выгоду из гитлеровских архивов. Выгоду не одноразовую, а долговременную — вот почему это ведомство вывозит в свое хранилище микропленку, запечатлевшую тайны нацистских архивов. Имя ему — ЦРУ.

Оно-то и загрузило аппарат ЦД пересъемкой архивных документов.

Понимая, однако, что одного этого задания все же маловато, чтобы создать впечатление «кипящей работы», Саймон поспешил сообщить сионистскому журналисту: «Хорошо, что выручил (выручил ли, однако! — **Ц. С.**) отдел специальных расследований, созданный три года тому назад при министерстве юстиции США для выявления и привлечения к суду военных преступников. Отдел смог при содействии работников Центра документации привлечь к суду 25 человек (подумать только, какой размах: за три года — 25 человек из тысяч укрывшихся в Америке нацистов! — **Ц. С.**), которые будут, если суд их признает виновными, лишены американского гражданства и высланы за пределы Америки».

Со дня опубликования в израильской прессе интервью с директором ЦД прошло уже немало времени. Однако не поступало никаких сообщений о лишении американского гражданства не то что 25, а хотя бы одного благоденствующего там нациста. Вывод: суды США оправдали **всех**, кого отдел специальных расследований министерства юстиции «при содействии работников Центра документации» определил как военных преступников. Вот так содействие, вот так специальное расследование!

И у начальника отдела специальных расследований хватило наглости заявить: «Мы почти ежедневно пользуемся услугами Центра документации».

Возможно, действительно ежедневно. Но какими услугами? С какой целью?

«НЕ ПОДЛЕЖАТ ВЫДАЧЕ»

Ведь у американских судов, когда решается судьба укрывшегося в США нацистского преступника, в ходу только одна формулировка: «Не подлежит выдаче или высылке в другую страну». Именно так было сказано и федеральным судом Манхэттена в итоге семилетнего (!) разбирательства дела фашистского наймита Болеслава Майковскиса, уличенного в преступлениях на оккупированных гитлеровцами территориях Латвии. Презренный нацистский выкормыш уничтожил тысячи советских граждан и дотла спалил несколько деревень. И все же «не подлежит», считают американские судьи.

Может быть, сама администрация ЦД хоть изредка проявляет готовность помочь разоблачению особенно жестокого нацистского преступника, о чьих бесчеловечных деяниях узнала из имеющихся в ее распоряжении архивных документов? Нет, не проявляет. Об этом с унылой монотонностью рассказывает западноберлинская газета «Цитти»:

«Инициатив, например, в форме обращения внимания органов власти или общественности на соответствующие дела от Центра документации не поступает. Это вызывает сожаление в Федеративной Республике с ее не полностью преодоленным прошлым (есть основания полагать, что такое сожаление свойственно далеко не всем в ФРГ, где последние годы ознаменованы особенной вспышкой выступлений распоясавшихся неонацистов.— **Ц. С.**). Слишком уж отчетлив в памяти случай с морским судьей в отставке и «отцом страны» Фильбингером, который уже после окончания войны вынес смертный приговор дезертировавшему (из гитлеровских войск! — **Ц. С.**) солдату; или с бывшим нижнесаксонским министром Цуфогелем, который когда-то (во времена Гитлера.— **Ц. С.**) в своей докторской работе одобрил «право существования в обществе только расово ценных людей». Совсем ничего не говорит Центр документации, например, о советнике Аденауэра Гансе Глобке».

Что ж, в таком случае заговорим о Глобке мы. Напомним администрации ЦД: в 1963 году Верховный суд ГДР заочно осудил господина советника как тягчайшего гитлеровского военного преступника, признанного самим фюрером «идеальным» комментатором фашистских расовых законов и одним из «изобретателей» варварской системы депортации евреев в лагеря смерти. Под давлением неопровержимых доказательств вины Глобке боннское правительство вынуждено было убрать его с поста министра. Так поступить пришлось властям ФРГ и с военными преступниками Оберлендером и Крюгером, тоже пригревшимися на высоких постах министров.

Глобке, Оберлендер и Крюгер ушли в отставку. Но будь обнародованы архивные документы об их античеловечной нацистской деятельности, они бы — при всей благосклонности многих западногерманских юристов к преступлениям давно минувших дней — ушли бы не в отставку, а в тюрьму.

Тут уместно вспомнить еще одну деталь из практики ЦД. В отдельном помещении законсервированы еще десятки тысяч туго набитых документами папок: дела тех, кто представал перед гитлеровским «судом» за антифашистскую деятельность, кто в руководимом коммунистами подполье мужественно боролся с нацистами. Одному только израильскому корреспонденту Саймон показал этот, как он выразился, специальный отдел. Снял с полки первую попавшуюся под руку папку, полистал бумаги и с ложной патетикой воскликнул: «Люди, чьи дела хранятся здесь, настоящие герои».

Почему же славные имена героев антигитлеровского Сопротивления господин директор скрывает даже от их потомков? По этому поводу он ничего не сказал сионистскому журналисту. А тот и не расспрашивал, понимая, очевидно, что такова воля вашингтонских хозяев ЦД, что и правящим кругам ФРГ не очень хочется, чтобы немецкий народ сегодня узнал новые волнующие факты борьбы его смелых сынов с гитлеровской тиранией. На сей счет у Вашингтона и Бонна полное, как говорится, взаимопонимание. Потому-то в ЦД кипит работа по замораживанию заслуживающих широкого обнародования документов

Продолжение следует.

ЛЬНА ГОЛУБАЯ ПОВЕСТЬ

Фото М. САВИНА

Кто не любовался полем цветущего льна! Голубым атласом переливается оно на легком ветру, чаруя красотой и свежестью, будто впитало в себя синь озер и голубизну небес. Чарует лен и в пору спелости, когда золотом отливают его коробочки и, если вслушаться, звенят нежной мелодией...

Не случайно в моем родном льняном краю, на Смоленщине, так много песен поется об этом удивительном растении, так много слагается о нем стихов и из поколения в поколение передаются сказания.

Любо смотреть, как смоляне работают на льняном поле. В пору уборки здесь встретишь людей всех возрастов. Целыми семьями селяне, а то и горожане вяжут северный шелк в снопы, сортируют, грузят в автомашины. Знают: это — богатство.

Умеют смоляне растить лен. Тонна волокна с гектара — высокий показатель, а в передовых хозяйствах области урожаи бывают и выше. И не случайно для смолян золотистый цвет льна так хорошо сочетается с красным бархатом знамен, которыми из года в год награждает страна мастеров-льноводов.

Вот и в этом году на большинстве полей Смоленщины лен удался. Богатый урожай собирают и в Починковском районе, откуда ведем мы свой репортаж. Шелестящие на ветру волны скошенных стеблей устилают поля, нельзя терять ни минуты: льнозаводы ждут урожая. В этом году он обещает быть не ниже, чем в прошлые, даже самые удачные годы. А потом... Из волокна со смоленского поля местные ткачихи соткут десятки миллионов метров чудесных льняных тканей, а если с хлопком, то в два раза больше. Только с конвейера Смоленского льнокомбината (в области работает еще и Вяземский) каждые сутки сходит тканая дорожка в сорок шесть километров длиной. Глаза разбегаются от красочного многоцветья тканей. Скатерти, портьеры, покрывала, полотенца, салфетки — чего только не делают из смоленского льна!

Трудовой подъем, умение — все отдано полю. Заметно шагнула вперед и техника, приданная мастерам урожая. Завершается комплексная механизация льноводства. В области впервые в стране переоборудовано более двух тысяч льноуборочных комбайнов, для которых управление перенесено в кабину трактора, что высвободило сотни механизаторов на другие работы. Повсеместно идет освоение подборщиков тресты. В совхозах построено около тысячи механизированных пунктов для сушки и сортировки семян. По методу «поле — завод» государству сдается свыше 50 тысяч тонн продукции в год.

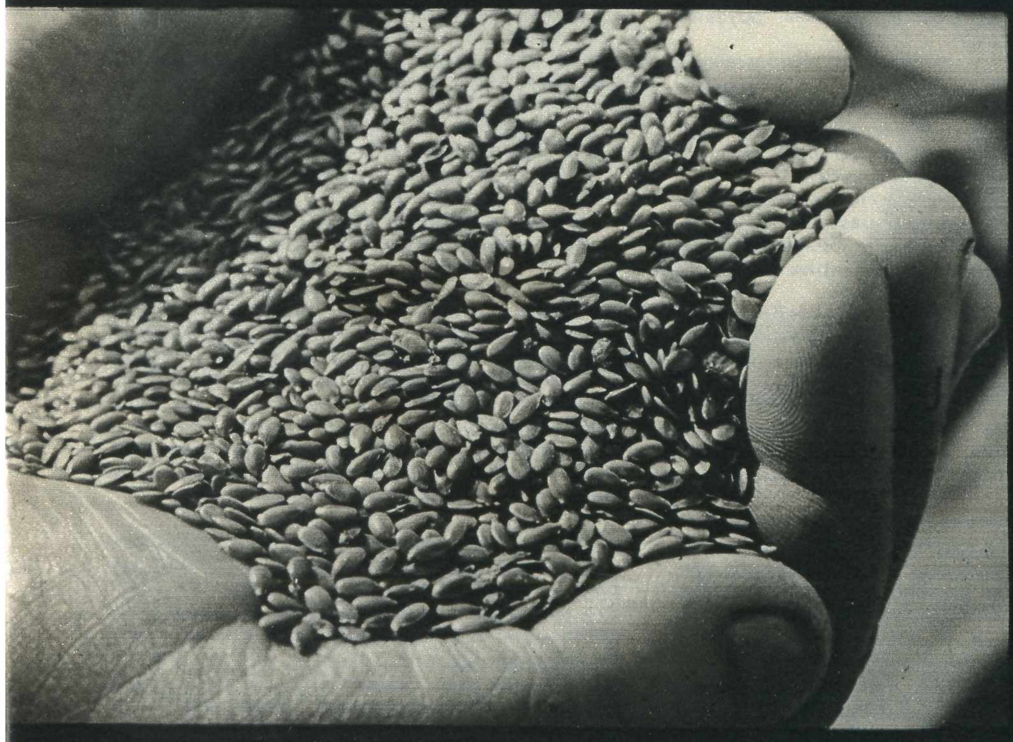
...Сын потомственных льноводов Виктор Смирнов хорошо сказал в своих стихах о страде на полях: «Льна голубая повесть...» Думается, что в эту повесть смоляне впишут еще не одну славную страницу.

Н. КАЗАКОВ,
сотрудник газеты
«Рабочий путь»

Смоленск.

На льняных полях колхоза «Россия» Починковского района.

Первая горсть семян — почин урожая...

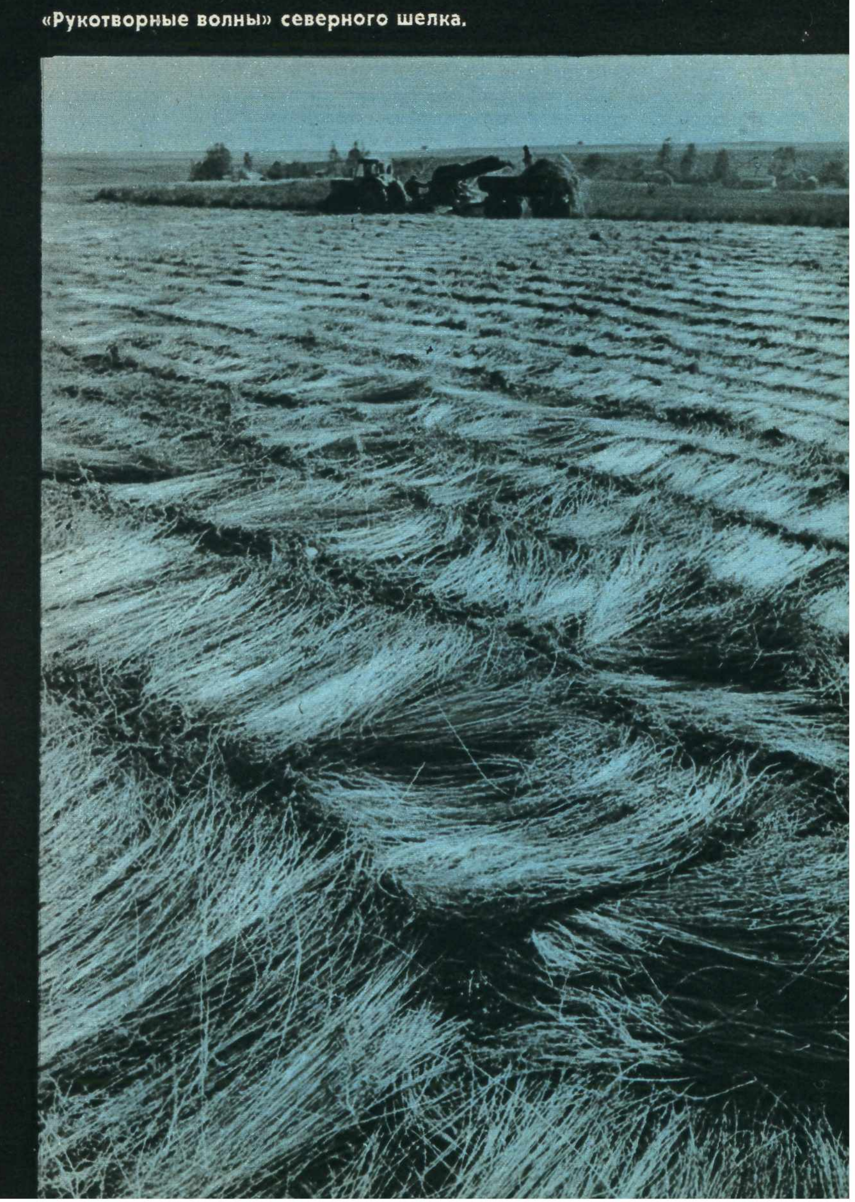
Звеньевая колхоза «Россия» Зинаида Рябинкова.

Женя Ванкевич — помощник комбайнера.

«Рукотворные волны» северного шелка.

Леонид **МЛЕЧИН**

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Олдмонт отпустил такси и дальше пошел пешком. Дом, в котором он надеялся застать Тираюта, он нашел бы с закрытыми глазами: в свое время часто бывал там, но знакомую ему автомобильную дорогу перегородили, и он боялся, что на машине придется долго кружить.

Он шел узкими улочками в кромешной тьме. Каждый шаг надо было делать с осторожностью: плохого качества асфальт разъело тропическое солнце. В любой из этих глубоких трещин можно было запросто сломать ногу.

Петляя по одному из старых кварталов Бангкока, Олдмонт вспоминал, сколько же раз ему приходилось участвовать в делах, от которых он предпочел бы держаться подальше.

Через несколько лет после смерти Линна ему опять приказали лететь в Таиланд. Помощи от АНБ потребовало ЦРУ. И хотя сотрудники агентства называли обитателей Лэнгли — «эти подонки за рекой», отказывать в помощи считалось неудобным.

Олдмонт приехал в Бангкок на следующий день после убийства тридцатидевятилетнего руководителя социалистической партии, который отказался от преподавания социологии в Таммасатском университете ради политической деятельности. Доктор Бунсанонг Буниотаян возвращался домой с прощального банкета, устроенного одним австралийским дипломатом. Длинный белый автомобиль обогнал его машину... Там, видимо, сидели снайперы. Третья пуля попала в голову.

Бунсанонг Буниотаян оказался легкой мишенью для покушения, потому что не принял никаких мер предосторожности, хотя и знал, что его имя внесено в список людей, которых намечено убить. В дома нескольких его единомышленников в качестве последнего предупреждения по чьему-то заказу были доставлены гробы. В тот год в Таиланде поднялась волна насилия. Убивали сотни людей по политическим мотивам. Убийц не находили. В преступном мире существовала негласная такса — убрать человека так, чтобы не осталось никаких следов, стоило пятьсот батов. Но с особой жестокостью, методично расправлялись со своими политическими противниками члены двух организаций, наводивших страх на таиландцев,— «Навапон» и «Красные буйволы».

После длительной беседы в посольстве Олдмонт в общих чертах уяснил ситуацию в стране. С довоенных времен, когда в Таиланде была установлена конституционная монархия, армия много раз брала власть в свои руки. Особое беспокойство внушали студенты двух столичных университетов — Таммасата и Чулалонгкорна, которые в 1973 году участвовали в свержении очередной военной хунты. Сейчас, по мнению политического отдела американского посольства, левые опять приобрели слишком большое влияние в стране, что угрожало интересам США.

Изгнанные из Индокитая, американцы смогли зацепиться только в Таиланде, но и отсюда им приходилось выводить войска. Более того, под нажимом общественного мнения правительство в Бангкоке попросило Вашингтон закрыть находящуюся в Удоне сверхсекретную станцию электронной разведки. Это была большая и невосполнимая потеря для американской разведки: станция прослушивала огромное количество переговоров во Вьетнаме и соседних районах Китая. Олдмонт знал, что ни один другой объект Агентства национальной безопасности не сможет держать под «электронным колпаком» этот район.

По указанию руководства ЦРУ и своего собственного он должен был проконтролировать консервацию базы, иными словами, позаботиться о том, чтобы никакие секретные материалы, шифры и аппаратура не попали в чужие руки. Но это было не единственной целью командировки Олдмонта.

Резидент ЦРУ в Бангкоке, ссылаясь на полученную из Лэнгли шифровку за подписью заместителя директора управления, попросил кое в чем помочь «нашим верным друзьям в Таиланде».

— Понимаю, что неразумно использовать специалиста столь высокого класса для почти кустарной работы,— сказал он извиняющимся тоном Олдмонту,— но у нас должна быть гарантия, что все будет сделано как следует. От вашей работы многое зависит.

После разговора с резидентом в тот же день вечером Олдмонта первый раз отвезли в отдаленный квартал Бангкока, в большую квартиру, которая принадлежала Тираюту.

Джем и Тони сразу подцепили себе по девочке. Для этого им не пришлось много трудиться. Они вышли из «Амбасадора» на улицу, дошли по ней до первого перекрестка, свернули направо и остановились у бара, где реклама обещала, что клиентов будут обслуживать девушки, одетые или, вернее, мало одетые, в стиле «топлесс» — «сверху ничего».

Едва они устроились за столиком, к ним подошли две девицы, одетые, как и обещала реклама. Они не отказались от приглашения выпить. Единственная сложность состояла в том, что девицы владели английским отнюдь не в совершенстве, но к их компании неожиданно присоединился пожилой австралийский бизнесмен, который был уже изрядно навеселе и с ходу объяснил Джему и Тони, что он женат, у него трое детей — один мальчик и две девочки, уже взрослые, и каждый приезд в Таиланд для него лучше любого отпуска на морском побережье.

Он торчал в этом баре каждый вечер и чувствовал себя здесь как дома.

— Смотри,— говорил он Тони, обнимая его за плечи,— у здешних девочек совершенно европейские носы и глаза. Знаешь почему?

Тони покачал головой.

— Потому, что они побывали в руках хирурга, который занимается пластическими операциями. В их профессии без такой операции дело не пойдет. Даже японцы, которых теперь в Таиланде хоть пруд пруди, и то предпочитают женщин с европейскими чертами лица. Когда у нас на Западе прибегают к помощи пластической хирургии, то почти всегда хотят что-то сделать меньше. А на Востоке наоборот — нужны большие глаза, большие носы, круглые подбородки, ну и, естественно, большая грудь. А что здесь плохого? Если человек чувствует себя счастливее оттого, что у него европейские глаза и появилась переносица, почему бы и нет? В конце концов, если уж так важно выглядеть естественно, зачем люди причесываются?

Тони и Джем были поражены неожиданными познаниями своего нового знакомого, но все быстро разъяснилось: австралиец был представителем фирмы, ввозившей в Юго-Восточную Азию медицинское оборудование. Хирурги, специализировавшиеся на пластических операциях, были его главными клиентами.

— Но вообще, скажу я вам,— продолжал австралиец,— Азия есть Азия. Я поставляю сюда прекрасный материал, который идет на переносицы. Он называется силоксановая резина. Так многие хирурги пренебрегают моим товаром и вставляют переносицы, сделанные из человеческого ребра.

— То есть как?— изумился Джем.

— Очень просто. Здесь полно бедняков, которые продают свои кости за несколько тысяч батов.

Они поднялись и, расплатившись, вышли на улицу. Австралиец, как ни странно, довольно крепко держался на ногах и уговаривал их продолжить вечер вместе.

Они сделали несколько шагов по направлению к оживленной магистрали. Из-за поворота появилась пошатывающаяся фигура. Человек сделал несколько шагов и вдруг растянулся на асфальте.

— Вот это, я понимаю, нализался,— хихикнул австралиец.

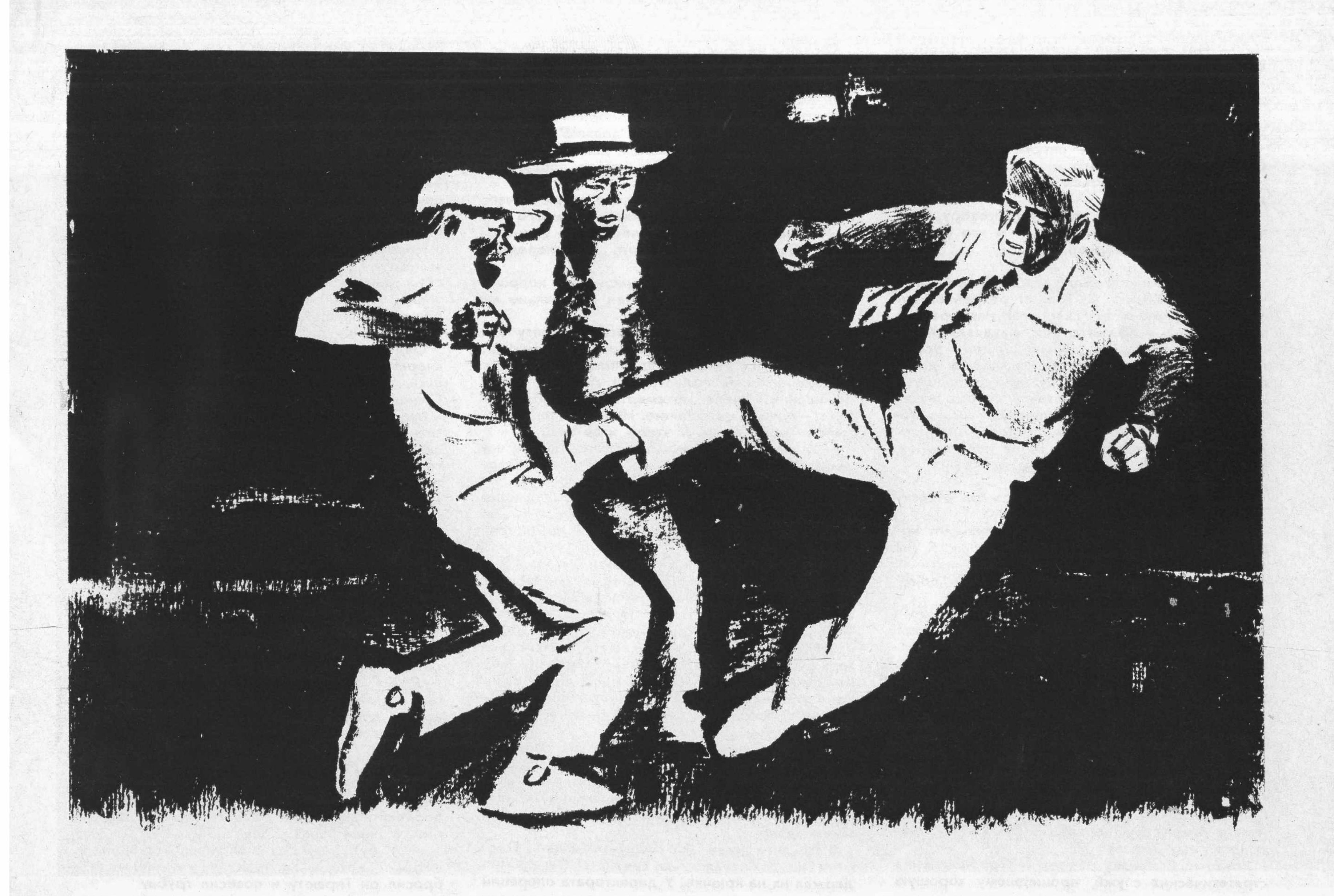
— Спиртным от него не пахнет,— заметил Тони, склонившийся над лежащим на тротуаре человеком. Он запустил ему руку сначала в один карман, затем в другой. Вытащил паспорт.— Смотри-ка,— сказал он Джему.— Парень из Штатов. Фил Хоукс его зовут.

Олдмонт равнодушно наблюдал за всем происходящим, прислонясь к стене так, чтобы Тирают не заметил его. Тирают приехал не один. Это нарушало планы Олдмонта. Он собирался поговорить с Тираютом без свидетелей. Тирают обошел машину сзади и открыл дверцу своему спутнику. Однако тот, по всей видимости, не желал вылезать. Тирают вдруг нагнулся и, ухватив человека за ворот рубашки, выволок его из автомобиля. Разгневанный таким обращением, тот размахнулся, чтобы ударить Тираюта, но не успел и полетел на землю. Тирают несколько минут бил его ногами в живот, а потом стукнул головой об асфальт. Отдуваясь, Тирают пошел к дому. «Сейчас позовет кого-нибудь из своих бандитов,— подумал Олдмонт,— уволокут парня. Интересно, за что он его так отдубасил? Конкурент?»

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39, 40.

Обстоятельства смерти господина N

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Олдмонт оттолкнулся от стены, подбежал к машине — ключи торчали в замке зажигания. Поднял с асфальта неподвижное тело, взгромоздил его на заднее сиденье, сел на место водителя и, не закрывая дверцы, рванул машину с места. Сделав несколько поворотов, Олдмонт остановился. Привести в чувство избитого Тираютом человека было непросто: Олдмонт нещадно хлопал его по щекам и тряс за плечи. Когда тот приобрел способность самостоятельно держаться на ногах, повернул его лицом к улице, где должно было быть полно такси, и подтолкнул в спину. Дольше возиться с ним Олдмонт не мог. Ему нужен был Тираю т.

Тираю т здорово переменился за эти годы. Располнел, обрюзг, хотя, как только что убедился Олдмонт, остался таким же сильным и жестоким. Он мог бы поклясться, что и Тираю т сразу узнал его, но не подал виду. Они стояли молча, глядя друг на друга.

Наконец Тираю т сделал приглашающий жест рукой.

— Поднимайтесь ко мне. Не на улице же говорить.

Олдмонт почему-то ожидал, что найдет эту запомнившуюся ему квартиру обставленной так же, как тогда, когда его в первый раз привезли сюда, но здесь тоже все переменилось: мебель, ковры, в которых утопаешь. Даже двери были новые, двойные, обитые изнутри толстыми стальными пластинами. Раньше Тираю т меньше боялся за свою жизнь.

— Садитесь,— указал Тираю т на одно из двух глубоких белых кресел. Он уставился на Олдмонта маленькими желтоватыми глазками.

Он не знал, с чем и, главное, в какой роли пришел к нему этот американец. Какой услуги от него потребует. Что предложит взамен. О, теперь он не продешевит. Прошли те времена, когда он служил американцам за гроши. Надеялся, что ему подыщут теплое местечко, когда в Бангкоке будут новые хозяева. Однако стоило ему изложить свои требования, как его просто выгнали. Американцы обманули его, и он больше не верит им.

К самому Олдмонту, которого сразу узнал, он не питал вражды. Олдмонт научил их тогда пользоваться целой кучей аппаратуры, которую навезли американцы — они не скупились ни на деньги, ни на оружие. Техника пригодилась в те дни, да и потом Тираю т использовал ее. Например, исключительно простой в обращении и надежный микромагнитофон величиной с большую спичечную коробку — одна сторона кассеты обеспечивала запись в течение трех часов,— он улавливал даже шепот. Или телефонный скремблер, который гарантировал от подслушивания. Или компактный и легкий детектор передающих и записывающих устройств. Аппарат размером с пачку сигарет и антенной-щупом начинал бесшумно вибрировать, когда оказывался в поле действия любого скрытого радиопередатчика или тайного магнитофона.

— Тираю т,— спросил его Олдмонт,— вы бывали на базе в Удоне?

Растолковывать этим людям основы электронного шпионажа и защиты от него было для Олдмонта неприятным занятием. В квартире Тираюта собралось человек сорок с совершенно бандитскими физиономиями. Распоряжались всем трое офицеров ЦРУ из специального отдела, который возглавлял когда-то полковник Пэш. Один из них и привез сюда Олдмонта из посольства.

Перед Олдмонтом сидели «Красные буйволы» — так они назывались. «Навапон» официально считалась «неполитической организацией, верной королю, религии и стране» — обычный лозунг таиландских правых. «Навапон» объединяла несколько сот тысяч человек. Группу финансировали представители крупного капитала, она имела связи с таиландским советом национальной безопасности и военной разведкой. Члены «Навапона» пустили прочные корни в армии, полиции и государственном аппарате.

«Красные буйволы» состояли главным образом из наемников ЦРУ, которые прежде использовались в подрывных операциях против Лаоса. Раньше в Лаосе сотрудники ЦРУ содержали целую «секретную армию», сражавшуюся против Патет Лао. Стоила эта армия не меньше трехсот миллионов долларов ежегодно. В ее составе было примерно семнадцать тысяч таиландцев-наемников. Когда американцев вышвырнули из Лаоса, «секретную армию» пришлось как-то «трудоустраивать», многие и оказались в рядах «Красных буйволов». Других, как рассказывали Олдмонту приятели из Лэнгли, включали в подразделения «полицейской воздушной разведки» и «полиции патрулирования границы» — они наводили страх на северо-восточные провинции Таиланда, уничтожали всех, кто подозревался в симпатиях к левым, устраивали провокации на границах с Лаосом и Кампучией.

Олдмонт потратил целую неделю, обучая этих людей подслушивать телефонные разговоры, устанавливать подслушивающие устройства в домах и автомашинах, обеспечивать секретность собственных переговоров. Их снабдили максимально простой аппаратурой, не требующей даже минимальных технических знаний. Заказы на такую технику ЦРУ размещало очень широко — предстояло снабдить ею полувоенные формирования, создаваемые по всему миру для борьбы с национально-освободительными движениями.

— В Удоне? Приходилось,— осторожно сказал Тираю т.

Олдмонт положил перед ним на журнальный столик несколько фотографий Линна в военной форме. Тираю т нагнулся над ними. Он чувствовал, как американец буквально впился в него глазами, но не выдал себя ни словом, ни жестом.

— Нет, я не знаю такого.— Тирают изобразил на лице удивление.

Олдмонт собрал фотографии и поднялся. Тирают проводил его до дверей. Теперь он знал, зачем и в каком качестве пришел к нему Олдмонт.

Когда Олдмонт уже спускался по лестнице, Тирают окликнул его:

— Зачем вы спрятали человека, которого я привез с собой?

— Он бы помешал нашему разговору,— ответил Олдмонт, обернувшись.— А кто он?

— Героиновый курьер.

У Джема возникла было мысль вызвать врача для Фила Хоукса, но Тони с презрением отверг ее. «Подумаешь, схлопотал пару раз по физиономии»,— бормотал он, раздевая Хоукса, чтобы определить, сильно ли тому досталось. Результатами осмотра он остался доволен. Притащил откуда-то пузырь со льдом — приложить к животу, заставил Хоукса глотнуть как следует неразбавленного виски, которым администрация «Амбасадора» регулярно набивала холодильники своих постояльцев, и выключил в комнате свет, велев Хоуксу подольше поспать.

Прощаясь у дверей своего номера с Джемом, Тони сказал:

— Жаль, что мне не попался в руки тот косоглазый, который так отделал парня. Я бы ему...

— Так бы я тебе и дал ввязаться в драку из-за пустяка,— хмыкнул Джем.

— Ничего себе пустяк,— возмутился Тони,— белого человека ни с того, ни с сего избивают какие-то полуобезьяны. У нас в Претории, если черный посмеет поднять руку на белого...

— Т-с-с,— зашипел Джем.— Стоит тебе чуть выпить, сразу болтать начинаешь. Иди проспись.

Олдмонт не успел уйти далеко. Он торопился достичь оживленной улицы и шел очень быстро — насколько позволяло его изрядно изношенное сердце. Но они, разумеется, знали более короткий путь и, когда Олдмонт свернул на очередную неосвещенную улочку, преградили ему дорогу.

Когда-то бывшему оперативнику управления стратегических служб, прошедшему хорошую подготовку в лагерях, где обучались люди для заброски в немецкий тыл, двое противников совсем не были страшны. Но теперь подобная схватка могла стать для него последней.

Нападавшие стали обходить его с двух сторон. В руке одного из них Олдмонт увидел удавку — тонкую, но прочную нить с двумя деревянными ручками, что-то вроде детской скакалки. Ее набрасывали на шею, человек терял равновесие, начинал задыхаться, рвать руками нервущуюся петлю и становился легкой добычей нападающих.

Олдмонт напал первым. Высокий таиландец с удавкой был, несомненно, опаснее, и Олдмонт ударил его в пах. Тот согнулся от боли, и Олдмонт ткнул ему в ухо карманный электрический разрядник — на несколько минут один был выключен из драки.

Второй, на вид совсем молодой, в цветной рубашке навыпуск, почуяв опасность, вел себя осторожнее. Из рукава его рубашки высовывалось лезвие ножа. Олдмонт пытался несколько раз выбить нож ногой, но противник легко уходил от удара. Олдмонт весь сжался, как пружина, стараясь не пропустить ни одного движения, здесь все решали считанные доли секунды. Холодно блеснуло лезвие, и Олдмонт еле успел пригнуться. Нож, брошенный опытной рукой, рассек левое плечо, но неглубоко. На Олдмонта обрушился град ударов, которые он с трудом отражал, отступая к стене. Если схватка затянется, поднимется второй.

Решив, что Олдмонт слабеет, противник, зачем-то оскалив зубы, с диким криком бросился на него. Резким движением Олдмонт отодвинулся и ребром ладони ударил его по шее, затем изо всех сил стукнул головой об стену. Отпустил. Тот медленно сполз на землю.

Олдмонт бросился прочь. В конце улицы он оглянулся: его никто не преследовал.

Хоукс проснулся с сильной головной болью, но в общем-то здоровым. Какая страшная история произошла с ним вчера!

Он так и не понял, чего хотел от него тот человек, который избил его у машины. Он говорил о каком-то грузе, который Хоукс должен ему передать. Что за груз?

Какое счастье, что его подобрали двое американцев! Они спасли его, должно быть, от верной смерти. Они, кажется, даже соседи по этажу. Надо чуть попозже зайти поблагодарить.

Телефонный звонок отвлек его от нескончаемых размышлений о событиях вчерашнего дня.

— Мистер Хоукс? — Голос был незнакомый.— Это говорит Олдмонт. Мне передали вашу записку...

— Да, да,— закричал Хоукс,— как хорошо, что вы позвонили. Я прилетел специально из Штатов, чтобы...

Фил осекся. Ему не хотелось так сразу обрушивать на Олдмонта трагическую новость. Что бы он ни думал о причинах, побудивших Олдмонта уехать подальше от семьи, и о его отношении к жене, но смерть близкого человека — печальное событие. Надо как-то подготовить собеседника к этому известию.

— У меня очень важный разговор к вам, касающийся ваших семейных дел,— уже осторожнее продолжал Хоукс.

— Что-нибудь случилось? — Голос Олдмонта был ровный, спокойный.

— Мне хотелось бы обсудить это при встрече с вами.

— Ну что ж, давайте встретимся ровно в двенадцать,— согласился Олдмонт,— записывайте адрес. Это тихое кафе, недалеко от «Амбасадора».

Положив трубку, Хоукс вытащил из чемодана свежую рубашку, из портфеля бумаги, которые в страховой компании передал ему Клинтон. Он уже совсем собрался было идти, но в последний момент, поколебавшись, позвонил в посольство Дуайту Хенкинсу.

Олдмонту даже стало смешно. Не слишком большую изобретательность проявили его бывшие коллеги — «я хочу поговорить о ваших семейных делах». Могли бы придумать что-нибудь позаманчивее, ведь они знают, с кем имеют дело.

В том, что люди ЦРУ будут его искать, Олдмонт не сомневался ни секунды. Он прочно держал их на крючке. У директората операций связаны руки. Не потому, что в Лэнгли так уж боятся разоблачений, их было немало. Грязное белье ЦРУ демонстрировали всему миру. Но все разоблачения касались уже совершенных операций, и газетная трескотня положения дел не меняла. Сейчас Олдмонт располагает документами, в которых расписаны детали будущей операции ЦРУ — их разглашение означало срыв тщательно подготовленной акции. А вот этого в Лэнгли ни в коем случае не захотят допустить. Они будут стараться подкупить его или убрать. И человек, с которым он только что разговаривал, прилетел в Таиланд именно за этим.

Олдмонт назначил встречу в удобном месте: ему нужно обязательно увидеть нового агента ЦРУ. Сотрудников бангкокской резидентуры он знал в лицо.

Хенкинс ничего другого и не ожидал. Олдмонт не пришел на встречу с Хоуксом. Олдмонт — стреляный воробей, смешно было полагать, что он попадется на крючок. Хенкинс сразу вспомнил Олдмонта, как только прочитал шифровку: они несколько раз сталкивались в Бангкоке, куда Хенкинса перевели из Вьетнама. В Сайгоне Хенкинс был одним из координаторов программы «Феникс» — «умиротворение» вьетнамских деревень. В поисках вьетконговских агентов они уничтожали тогда целые поселки, но даже и такие масштабные операции оказались бесполезными.

В Бангкоке после Вьетнама был просто рай. Тихая, кабинетная работа. Только в 1976 году пришлось немного подвигаться. Он курировал «Красных буйволов». Многие из них были в отрядах, которые формировало ЦРУ. С ними у Хенкинса были общие воспоминания о горячих деньках во Вьетнаме.

Когда в начале года таиландское правительство, опираясь на поддержку левых сил, студентов, стало добиваться вывода всех американских войск из страны, «Красные буйволы» проводили проамериканские манифестации, которые активно фотографировались иностранными корреспондентами, за это отвечал пресс-атташе посольства — Хенкинс заранее информировал его о каждой демонстрации. Антиамериканские митинги «Красные буйволы» разгоняли, забрасывали левых студентов ручными гранатами.

Олдмонт был немало удивлен. В двенадцать часов в кафе явился и просидел там не меньше часа молодой парень, которого вчера зверски избил Тирают. Но Тирают сказал ему, что этот парень — курьер, который занимается вывозом наркотиков. Странно, что такому «узкому специалисту» поручили явно непростое дело — выманить Олдмонта из его убежища. Непонятно и другое. Почему Тирают решился напасть на героинового курьера ЦРУ? Неужели он порвал связи с управлением?

Олдмонт чувствовал себя неважно после вчерашнего приключения. Жара все усиливалась. Не отпускала ноющая боль в груди. Солнце единовластно царило над Бангкоком, и люди старались не покидать спасительную тень. Но Олдмонт не мог позволить себе отсиживаться дома: у него осталось не так много времени. Рано или поздно его найдут, но прежде он должен узнать, что на самом деле произошло с Линном.

Тирают позвонил по телефону, которым пользовались завербованные американцами агенты, если им нужно было срочно связаться с сотрудниками резидентуры; эта линия была гарантирована от прослушивания. Аппарат стоял в оперативной комнате, возле него круглосуточно дежурил кто-нибудь из офицеров. Тирают назвал свой номер и код, его соединили с Хенкинсом.

Дуайт был удивлен. Несколько лет назад они отказались от услуг Тираюта, чем тот был весьма обескуражен, а теперь Тирают звонит как ни в чем не бывало и предлагает встретиться.

Хенкинс назвал ему фешенебельный клуб, куда имел обыкновение заглядывать раз или два в неделю — здесь собирались иностранные корреспонденты, представители фирм, поговорить с ними было небесполезно.

— Я буду там от половины восьмого до восьми. Скажите швейцару, что ждете меня,— бросил он Тираюту и повесил трубку.

Дуайт ожидал застать Тираюта забившимся куда-нибудь в укромный уголок одной из курительных комнат клуба. Однако Тираюта нисколько не смутила новая для него обстановка. Размахивая полупустым стаканом, он оживленно беседовал с представителем одной британской компании, которого Хенкинс считал малообщительным, чопорным человеком. Увидев Хенкинса, Тирают еще некоторое время продолжал беседу, затем, вежливо извинившись, подошел к американцу.

Они обосновались в бильярдной, где, кроме них, не было ни одного человека.

— Позвольте мне говорить откровенно,— начал Тирают.— Вы ждете курьера.

Билл Дэвис позвонил Уилсону.

— Спешу тебя порадовать, Олдмонт действительно в Бангкоке. Но на глаза не показывается.

— Я в этом и не сомневался,— хмыкнул Уилсон.

— Ну так что, Грег, ты полетишь, или мне взять билет до Бангкока?

— Если ты хочешь прокатиться на восток, я ничего не имею против,— так же лениво проговорил Уилсон,— но я продолжаю верить в успех своей идеи.

— И что же наполняет твое сердце такой уверенностью? — поинтересовался Дэвис.— Если надежда, что мне одному придется отвечать за провал в Бангкоке, то ты крупно ошибаешься.

— Хватит препираться, Билл. И вообще это не телефонный разговор. Я зайду к тебе.

Получасовая беседа с Уилсоном настроила Дэвиса на более оптимистический лад: прогноз Уилсона насчет событий в Бангкоке звучал весьма убедительно.

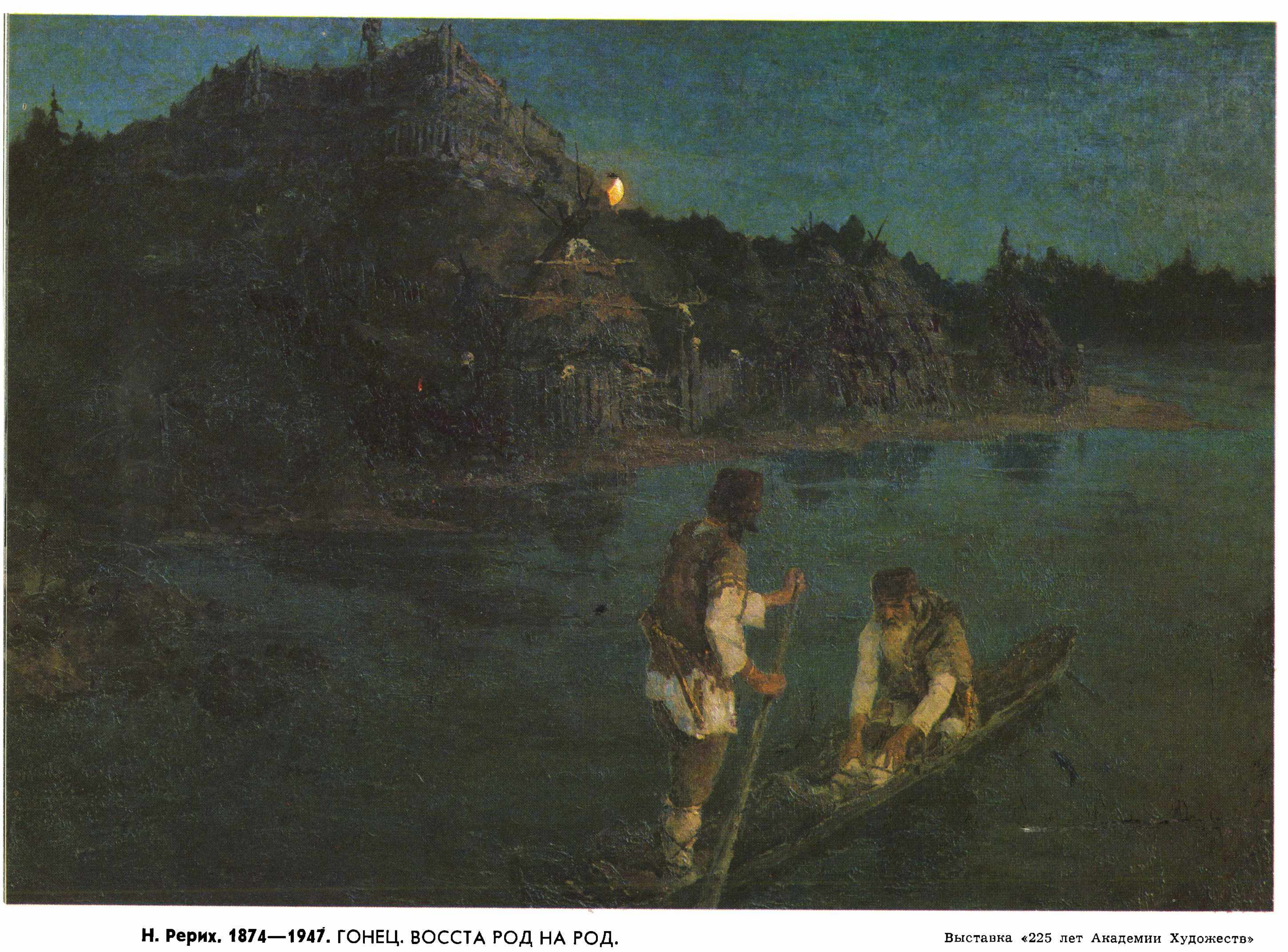
— И последнее,— закончил разговор Уилсон,— фамилия Олдмонт должна перестать фигурировать в наших переговорах. Будем называть его просто «господин N».

Продолжение следует.

И. Прянишников. 1840—1894. КАЛИКИ ПЕРЕХОЖИЕ.

Выставка «225 лет Академии Художеств»

А. Куинджи. 1841—1910. ЧУМАЦКИЙ ТРАКТ. (Фрагмент).

Н. Рерих. 1874—1947. ГОНЕЦ. ВОССТА РОД НА РОД.

Выставка «225 лет Академии Художеств»

Михаил Афанасьевич СТЕЛЬМАХ

Советская многонациональная литература понесла большую утрату. После тяжелой продолжительной болезни скончался выдающийся советский писатель и общественный деятель, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, лауреат Государственной премии СССР и Государственной премии Украинской ССР им. Т. Г. Шевченко, академик Академии наук УССР Михаил Афанасьевич Стельмах.

Михаил Афанасьевич Стельмах родился 24 мая 1912 года в селе Дьяковцах Винницкой области. После окончания педагогического института работал учителем, служил в рядах Советской Армии. Участник Великой Отечественной войны.

В послевоенные годы М. А. Стельмах длительное время работал в Институте искусствоведения, фольклора и этнографии АН УССР, много сил и энергии отдал собиранию и изучению устного народного творчества.

Путь в литературе М. А. Стельмах начал как поэт. Всенародное признание писателю принесли романы: «Большая родня», «Кровь людская — не водица», «Хлеб и соль», «Правда и кривда», «Дума про тебя», «Четыре брода», составляющие эпический цикл, который охватывает более чем полувековой период в жизни украинского села на решающих поворотах его истории. Писатель создал масштабные картины борьбы народа за победу социализма, глубоко и правдиво отобразил социальные преобразования в украинском селе, возвеличил героический подвиг советских людей в Великой Отечественной войне, их самоотверженный труд по восстановлению народного хозяйства.

Приобрели популярность среди читателей повести «Гуси-лебеди летят», «Щедрый вечер». Многогранный талант писателя ярко проявился в пьесах, киносценариях, стихах, произведениях для детей и юношества.

Проникнутые глубокой народностью и партийностью, высокохудожественные произведения М. А. Стельмаха переведены на русский язык, на многие языки народов СССР, неоднократно издавались в социалистических и других странах мира.

Активной и многообразной была общественная деятельность М. А. Стельмаха. Он избирался депутатом Верховного Совета СССР 6—10-го созывов, членом правления Союза писателей СССР, членом президиума Союза писателей Украины, многие годы возглавлял творческое объединение киевских прозаиков.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги М. А. Стельмаха. Ему присвоено звание Героя Социалистического Труда, он награжден тремя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Дружбы народов, медалями.

Светлый образ выдающегося писателя, верного сына и пламенного патриота социалистической Отчизны Михаила Афанасьевича Стельмаха навсегда останется в памяти советских людей.

К. У. Черненко, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, М. В. Зимянин, А. Ф. Ватченко, И. А. Герасимов, Ю. Н. Ельченко, Е. В. Качаловский, Б. В. Качура, А. П. Ляшко, И. А. Мозговой, В. А. Сологуб, А. А. Титаренко, А. С. Капто, Я. П. Погребняк, Б. Ф. Шауро, Г. М. Марков, М. А. Орлик, Б. В. Иваненко, Л. М. Кравчук, Б. Е. Патон, Д. Б. Головко, Ю. А. Олененко, Н. Ф. Охмакович, В. А. Згурский, Н. П. Бажан, М. Н. Алексеев, А. А. Беляев, Ю. В. Бондарев, П. П. Боцу, Ю. Н. Верченко, А. Т. Гончар, Л. Д. Дмитерко, П. А. Загребельный, М. А. Ибрагимов, В. М. Кожевников, В. П. Козаченко, А. Ф. Коломиец, В. А. Коротич, К. И. Кудиевский, Л. М. Леонов, С. В. Михалков, Ю. М. Мушкетик, Л. Н. Новиченко, В. М. Озеров, Б. И. Олейник, Е. И. Скурко (М. Танк), А. Б. Чаковский, М. А. Шолохов.

«Огонек» на «Атоммаше»

ХОЗЯЙСКИЙ ПОДХОД

Прежде чем приехать на «Атоммаш», стать токарем, бригадиром, Анатолий Худяков поколесил по свету. Работал с геологами в Сибири, пять лет отдал КамАЗу — мастером на стройке, объездил Кавказ. И вот уж скоро семь лет как в Волгодонске. Пусть не подумает читатель, что он из разряда вечных скитальцев. Нет, Худяков, как мне показалось, иного замеса человек. Тут сама собранность, хваткость, цепкий ум и, чувствуется, характер — ого-го, непростой. «За морем телушка полушка, да рубль перевоз,— разом подытожил он, когда речь зашла о его странствиях.— Мне хотелось мир посмотреть, чтобы понять человека».

— Ну и к каким же выводам вы пришли? За что в первую очередь цените человека?

— Превыше всего ставлю в людях трудолюбие... Трудолюбивый человек делает любую работу хорошо, на совесть. Как правило, для него нет выгодного или невыгодного дела, работы для себя и для общества, хитроумных оправданий бракодельства, лени... «Сачков», тех, кто хочет поменьше дать и побольше урвать, простите за откровенность, физически не переношу.

Мы беседовали, прогуливаясь перед входом в Дом культуры «Октябрь», где часом раньше бригаде токарей-расточников Худякова за безупречную работу в последние полтора года был вручен переходящий кубок журнала «Огонек». Кто-то отметил как безусловное достоинство, что бригада очень молодая — за последние два года обновилась ровно на треть... Мне говорили, что Худякова назначили бригадиром в конце 1981-го, значит, четверо ушли из бригады уже при нем.

— Извините, Анатолий, тоже за откровенность,— не удержался я,— вашим категоричным принципам вы следуете и на практике?

— Не понимаю! — удивился он.— Что, разве можно говорить одно, а делать другое? — В его словах не было и тени рисовки.— Да мы против двойной морали два года боролись в бригаде. Лодыря, иждивенца как раз и отличает чудовищная разница между тем, что он говорит и что выдает на-гора. Как правило, все они на словах орлы, а в деле птенчики. Был у нас один такой верткий, в конце месяца обычно первым прибегал проверить, как наряды закрыли, а месячное задание никогда не выполнял. Я присмотрелся к нему, смотрю — юлит, крутит мужик. Начинаю беседовать, почему работаешь плохо, а он в ответ: «Да брось ты, Толя, нотации читать». Вижу, добровольно перестраиваться на хороший труд не хочет — наказали по КТУ. И какая сразу амбиция! Прибежал — пишет заявление на расчет... Думал, испугаемся, упрашивать станем. А мы его просьбу на совете бригады удовлетворили. Следом таким же макаром ушли еще трое, кто работать по-настоящему не хотел. Мне некоторые предрекали, что один останусь. Да только свято место пусто не бывает... Подобрали взамен хороших ребят. Вернулся из армии Сергей Никулин. Сейчас живем не тужим. Вот приз «Огонька» получили — впервые, для нас это очень большая награда. Жесткие дисциплинарные требования в бригаде остаются в силе и по сей день.

«Послушаешь нашего бригадира, и можно подумать, что он всех в бригаде гнет через колено,— вспомнились неожиданно слова отличных токарей бригады — Евгения Мицкевича и Александра Захарова.— Только мы знаем, что у Худякова, а через него и у всех нас за словом «дисциплина» стоит здравое чувство хозяина во всем, ко всему, не исключая даже таких, казалось бы, мелочей, как опрятная спецовка на рабочем. Ведь как учит наш бригадир: если человек привык следить за своим внешним видом, он не допустит расхлябанности и за станком, будет бережнее относиться к инструменту, экономнее расходовать материалы, а в итоге — точнее, лучше работать. У нас этот закон все хорошо усвоили».

Коротко, в двух словах, делюсь соображениями ребят с Худяковым. Признаюсь, я ожидал от него одобрительного слова, мол, так, кое-чего добились. Но Анатолий молчит и явно не спешит с оценкой услышанного.

— Они что-то не так сказали?

— Нет, почему же... Только я хочу предостеречь против мнения, что у нас так сейчас в бригаде все хорошо и прекрасно, что дальше уж некуда.— Бригадир сделал паузу, что-то прикидывая.— Действительно, с внутренней дисциплиной стало лучше, какой-никакой, а порядок навели. Но как трудно его удержать!

— Не понял... поясните, пожалуйста.

— ...Всего два примера. Мы работаем с очень большой номенклатурой изделий, пятьдесят — шестьдесят наименований в месяц — вполне обычное явление для бригады. Естественно, раз пятнадцать за смену нам необходим кран. И вот тут-то начинаются наши мучения. У начальника смены свои задачи, поэтому кран нам столько, сколько нужно, не выделяется. Отсюда простои. Второе: техдокументация нередко не соответствует производственным процессам. Приходит бумага, где все расписано не так, как бывает в практике. Зачастую и инструмента необходимого нет, чтобы выполнить программу по этим чертежам. В итоге опять простои. И ребята меня справедливо спрашивают: мол, от нас требуешь порядка, дисциплины, хорошую работу, а тут поневоле руки опускаются... Что им отвечать мне? Ведь они правы.

— Проблема... И что же все-таки вы по этому поводу думаете?

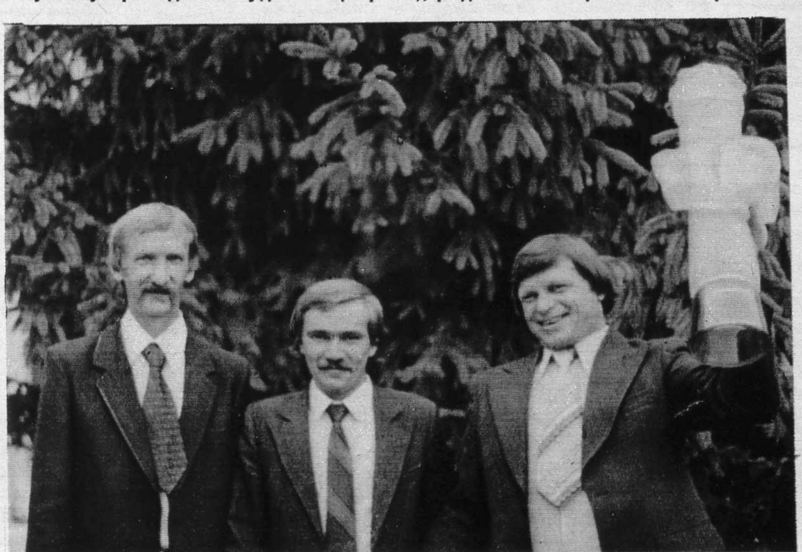
— Скажу откровенно, я не раз оказывался в затруднительном положении. А теперь знаю, что делать. Мало навести порядок на своем участке, надо бороться за него во всем нашем производстве. Я знаю, это нелегко. Но трудолюбие и хозяйский подход победят. С любыми трудностями можно справиться, было бы желание. А вот с тех, кто может, да не хочет, вконец разленился, строго спрашивать.

* * *

Приз «Огонька» бригаде-победительнице вручил член редколлегии журнала Ю. Попов.

А. ПОПОВ

Кубок у бригады А. Худякова (справа), рядом А. Захаров и Е. Мицкевич.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов выступает перед участниками конференции.

Открытие VII конференции писателей Азии и Африки.

См. стр. 6—7.

мия вторглась на ливанскую территорию, сирийское руководство отвергло требования Вашингтона и Тель-Авива отказаться от сопротивления, вывести сирийский контингент межарабских сил по поддержанию мира из Ливана. В долине Бекаа сирийские войска вступили в ожесточенные бои с израильской армией, нанеся ей немалые потери. Сирийские части вместе с палестинскими и ливанскими бойцами сражались в Западном Бейруте в течение всей его блокады.

Я был в воинских частях. Видел солдат в горах, под палящим солнцем и на снегу. Условия, в которых они несут свою службу, очень тяжелые. И тем не менее солдаты говорили мне: «Это перенести можно. То, что нас ждет, если сдадимся, перенести нельзя».

От Дамаска до позиций Израиля всего 30 километров. Население сохраняет мужество и оптимизм. Внешне город живет обычной жизнью. Вечером зажигаются огни у театральных подъездов. С театром связана вся моя жизнь. Я написал восемь пьес, поставил более двух десятков спектаклей как режиссер. Среди них — «Оптимистическая трагедия». В Ленинграде на палубе «Авроры» меня охватило особое волнение. Я видел на своем веку немало рек. Но Нева особая. Это река революции, река истории. Ситуация в современном мире такова, что в любой день история человечества может оборваться. Вот почему так важно деятелям культуры во всем мире объединить свои силы против поджигателей войны, чтобы у людей были будущее и справедливый мир.

Объект особого внимания писателя — молодежь. Какой она будет, во многом зависит от нас. Поэтому очень важно, чтобы слово писателя доходило до молодежи. Оно должно быть ответственным и честным. Писатель несет ответственность перед свободой и справедливостью в мире, а не перед сильными или власть имущими.

ГУЛЯМ ДАСТАГИР ПАНДЖШЕРИ (Афганистан)

Первый раз я прилетел в Ташкент почти двадцать лет назад, в день, когда открылась авиалиния Кабул — Ташкент. Я был тогда корреспондентом радио Кабула. Потом работал в газете, начал писать стихи. Шесть лет я провел в тюрьме. Меня освободила революция. И я — ее солдат.

На эту конференцию я улетал из Кабула солнечным, ясным днем. Горожане спешили по своим делам. Знаете, что бросается в глаза на улицах нашей столицы? Много молодых людей. Это студенты, дети рабочих и крестьян, которым революция открыла дорогу в высшие учебные заведения. Мне это особенно отрадно, ведь я был первым министром просвещения после революции в Афганистане. 96 процентов моих сограждан не умели ни читать, ни писать. Сегодня таких 90 процентов — еще очень много. Поэтому одна из первых задач революционного правительства — дать народу доступ к знаниям. Впервые в истории Афганистана появились буквари на языке многих национальностей, населяющих нашу страну, их около трех десятков. По радио зазвучали передачи на их родном языке.

Мы стали открывать школы, посылать в деревни учителей. Враги нашей революции прекрасно понимают, какую силу представляет собой просвещение. Именно поэтому они зверски убивают учителей. Душманы разрушили 1860 школ, но мы не отступим. Мы выстоим. Нам помогают Советский Союз, другие социалистические страны.

Вражьи голоса трубят о советском вмешательстве, о «руке Москвы». Рука Москвы — это учебники для афганских детей, книги, которые печатаются в Советском Союзе, это лекарства и станки, которые посылают нам советские друзья, помогающие защитить нашу революцию.

Когда я вернусь домой, у нас будет конференция молодых писателей, представителей интеллигенции, студенчества. Я расскажу о силе писательской солидарности, которая помогает народам Азии и Африки строить новую жизнь, отстаивать мир.

Недавно в Кабуле вышел сборник молодых писателей Афганистана. В него вошли произведения, отражающие нашу борьбу, события последних лет. Книжка называется «Огненный перевал». Да, мы сегодня на огненном перевале. С перевала далеко видно. Я вижу свою страну грамотной, вижу своих соотечественников под мирным небом.

ДОЖООГИЙН ЦЭДЭВ (Монголия)

Я обнял здесь много старых друзей, с которыми познакомился на предшествующих встречах писателей Азии и Африки. Мы не просто друзья, мы — единомышленники. Вот что главное.

«Мы живем под одним солнцем» — так называется сборник прозы и поэзии, который вышел в Монголии к VII конференции в Ташкенте. Это наш подарок делегатам. Своему другу египетскому писателю, лауреату международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» аль-Хамиси я привез перевод написанной им книги, а советскому поэту Джубану Мулдагалиеву — четыре его поэмы под общим названием «Я — казах»...

В Монголии есть поговорка: «Слово может мертвого поднять, а живого убить». Она имеет прямое отношение к нам, писателям.

Совсем недавно, в августе этого года, я был в Гоби-Алтайском аймаке на празднике литературы.

Язык танца понятен всем.

Вместе со мной туда ездили друзья и коллеги из Советского Союза, Болгарии, ГДР. В сомоне Дэлгэр мы зашли в юрту к старому арату. Он принял писателей как своих личных друзей. Нас поразило, как много знает этот пастух, живущий за тысячи километров от Улан-Батора, о том, что происходит сегодня в разных странах мира. «Я не расстаюсь с транзистором»,— сказал старый арат. Он задал гостям множество вопросов. Среди них был такой: где находятся пункты, откуда нацелено на СССР американское ядерное оружие? В этом вопросе простого человека выражена тревога, которой охвачены сегодня все люди на Земле: быть или не быть войне.

Помню, как во время репортажа из космоса мой соотечественник Гуррагча описывал, как красива наша маленькая голубая планета Земля. Пастух, космонавт, писатель, все сегодня озабочены одним — отстоять мир. Мы должны сохранить жизнь и оставить нашим потомкам планету такой же прекрасной, какой ее видят сегодня люди из космоса. Это главная тема и писательской встречи в Ташкенте.

Автор национального гимна Эфиопии Ассефа Гебре Мариам и казахский поэт Джубан Мулдагалиев.

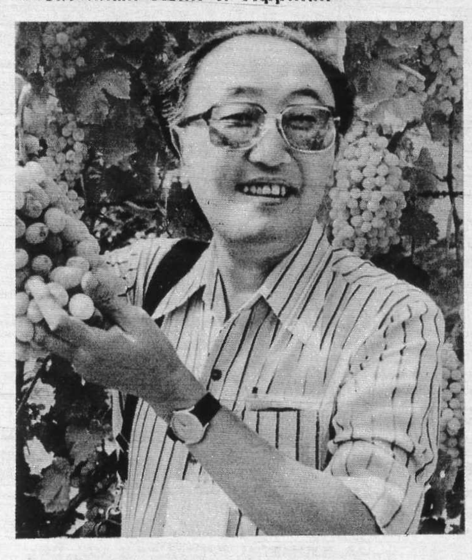
Поэт Атуквей Окай — выпускник Московского литинститута, ныне преподает русскую и советскую литературу в Легонском университете (Гана).

Индийский писатель Картар Синг Дуггал на открытии книжной выставки.

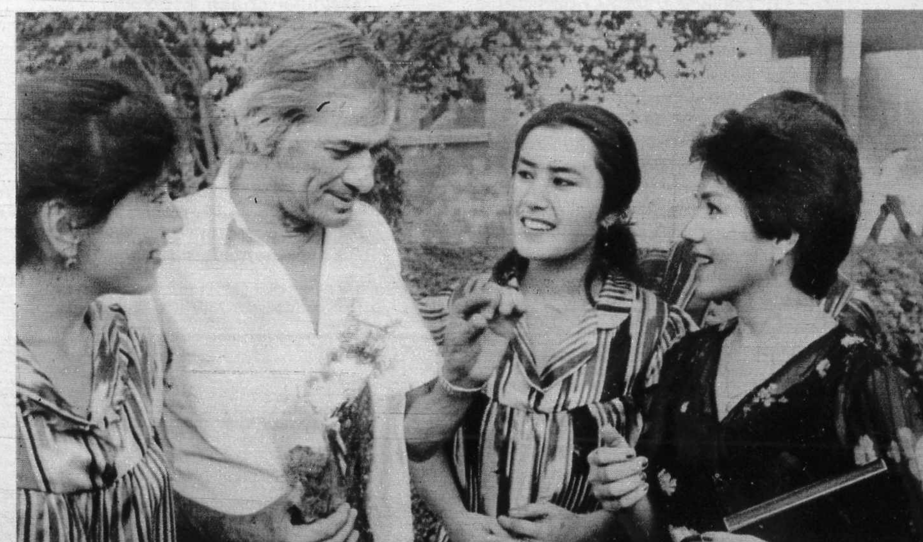
Юкио Курихара — генеральный секретарь Японской Ассоциации по связям с писателями Азии и Африки.

Известный поэт Мухаммед Мехди аль-Джавахири (Ирак).

Цветы палестинскому поэту и борцу Моину Бсису.

Исполняется 60 лет со дня рождения Николая Петровича ПОДОЛЯНА, современного украинского поэта, автора многих стихотворных сборников, среди которых такие, как «Красные гвоздики», «Верю в молодость», «Источники бьют»... Ветеран Великой Отечественной войны, главный редактор журнала «Украина», Н. Подолян удостоен республиканской премии имени Т. Г. Шевченко.

Мы сердечно поздравляем Н. П. Подоляна с юбилеем и публикуем его новые стихи в переводе Владимира Михановского.

Священна память

Микола ПОДОЛЯН

ПЕЛИ КОБЗАРИ

Как пели певцы-кобзари
На битых шляхах Украины!
А мальчики-поводыри
За ними носили торбины.

Крутые дороги земли
Да отдых с едой на закате...
Их песни и думы вели
Тропинкой, от хаты — до хаты.

Планиде своей вопреки
Искали судьбы-огневицы.
И пальцы усталой руки
По струнам летали, как птицы.

И снова звала их заря
К забитому бедному люду,
Сияла над миром, горя...
И буйствовал ветер повсюду.

Слыхали, как пел тот кобзарь:
«Вставайте и цепи порвите!»
Бил колокол, как на пожар,
И стлались ковыльные нити.

Зарница степная, гори!
...Когда же певцы умирали —
В бессмертье идя, кобзари
Потомкам зарю завещали.

И мальчики-поводыри
Вбирали и песни и муку,
С лучами высокой зари
Свою проходили науку.

Аккорды и кобз и цимбал
Росли с неуемным задором,
Чтоб грянул «Интернационал»
Насилью и злу приговором...

О МОЕМ ДРУГЕ

Не девушка, стройна и руса,
С глазами синими, как лен,
Меня вела по Беларуси —
Вел колокола мерный звон,
Когда искал тропинку Яся...
Я, помню, подружился с ним
В учебном взводе.
Там, в Донбассе.

...Над терриконом голубым
Висело солнце в жаркой хмари.
И шелк небесный золотой
В послеполуденном угаре
Охватывал весь шар земной.
И расстилались перед нами
Долина, холм, село и луг.
Сказать бы только: «Рідна мамо!»—
Так славно было все вокруг.
Сказать бы только, да не скажешь:
Мгновенья смертью проросли.
И если шевельнешься даже —
Завьются пули, как шмели.

И мы в окопчике лежим,
И ест глаза горячий дым.
Не мил уже нам белый свет.
Который час все это длится?
Здесь не засада, не «секрет»—
От пуль попробуй схорониться!
Степь обезлюдела никак?
И ходит смерть незримо рядом.
Следит за каждым шагом враг
Холодным ненавистным взглядом.
Весь в проволоке холм колючий.
А слева, справа, за спиной
Взметают пули прах летучий.
Наш взвод ведет тяжелый бой.
За взрывом взрыв — и так без счета,
Затишья сроки коротки.
И угодил же я в пехоту,
А так хотелось — в моряки!
Безмолвно солнце с высоты
В глаза солдатские глядится.
Нет, в этот миг —
Не до мечты,
Когда передний край дымится!
Вот Ясь, так он кавалерист.
Ему б в седло, чтоб сабли свист,
Да ветер острый, словно нож,
Да звон копыт, да крик «Даешь!».
Ясь тихо шепчет:
«Слышишь, кони...
Наверно, живы...
Слышь-ка, ржут!..»
Кавполк недавно в эшелоне
Разбили «мессеры»... Идут
Теперь на нас они волнами,
Оставив сзади террикон.
Но правда — с нами,
Храбрость — с нами,
Хотя и смерть со всех сторон.
Напряжены недаром нервы,
Ждем к наступлению приказ.
...И было лето — сорок первым
И восемнадцатым — для нас.

Теперь могу вести беседу,
А было нам не до бесед
И не до слов...
Мигнешь соседу —
Он подморгнет тебе в ответ.
Приказ комбата: в наступленье!
Взвод должен овладеть селом.
Пороховым огнем сраженья
Долину всю заволокло.
Приказано нам очищать
За метром — метр,
За пядью — пядь,
Приходит срок и нам вставать!..
Готовы ринуться ребята.
Я вижу, Ясь схватил гранату.
Заладил где-то пулемет.
Вот-вот послышится: «Вперед!»
И тут заметить я успел,
Как Ясь мгновенно побелел.
И только вскрикнул: «Рідна мамо!»—
Но я уже не увидал,
Как землю он сгребал руками:
Я сквозь огонь уже бежал...

Не девушка, стройна и руса,
С глазами синими, как лен,
Меня ведет по Беларуси —
Друзей моих ушедших стон.
Священна память фронтовая,
Дорог непроходимых стынь.
Но вера светлая, святая
Вновь привела меня в Хатынь.
Не знаю, близко ли, далече
Неутомимо бил набат.
Я видел печи, печи, печи
Фашистами сожженных хат.
Мне чудилось, что снова дым
Над опаленным полем боя
Встает пожарищем седым
И гаснет небо голубое.
Идем в атаку — я и Ясь,
Я — за Хатынь,
Он — за Донбасс.

Не девушка, стройна и руса,
С глазами синими, как лен,
Ведет меня по Беларуси —
Той памяти тревожный звон.

ВСТРЕЧА С ДНЕПРОМ

...Спят добровольцы.
Лозняки
О чем-то шепчутся устало.
Крадется сырость
От реки —
Туманов затяжных начало.
Качаются под ветром лозы
И чуть таинственно шуршат.
Все гуще розы,
Словно слезы
У матерей:
Они не спят.
И я не сплю всю ночь в дозоре.
«Каков фашист? Когда же в бой?»—
Рука застыла на затворе.
Шуршанье в лозах.
«Кто там? Стой!»—
В лицо я комиссара знаю,
Пред ним навытяжку встаю.
Сказал он:
— Трудно, понимаю.
Но легче ль будет там, в бою?..
И вдруг...
Как будто гром далекий,
Загрохотало за Днепром!
И разбудил железный клекот
Бойцов, что спали крепким сном.

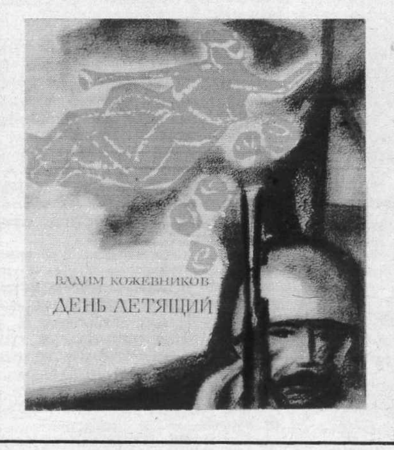
Ревущей огненной метелью
Катилась из-за туч война.
Деревья скошены шрапнелью.
И взбаламучен Днепр до дна.
И наш пришел черед сражаться...
Что мы могли
В семнадцать лет?
Над нами «мессеры» кружатся,
Мы из винтовок бьем им вслед...

Был бой тот очень скоротечным,
И тишина настала вновь.
...В тот день впервые — и навечно!—
Запомнил я, как пахнет кровь.

На берегу Днепра седого
Похоронили мы ребят,
Под небом,
Как под отчим кровом,
Они в тиши аллеи спят.

Я в лозняке под Бериславом
Впервые встретился с Днепром.
Косил огонь сухие травы.
И только волны конной лавой
Вперед катились напролом!

ЛЮБИМЫЕ ТОВАРИЩИ ПИСАТЕЛЯ

Перелистываешь объемистый, красочно иллюстрированный и оформленный том прозы Вадима Кожевникова и вновь погружаешься в привычный мир автора, посвятившего свое творчество теме трудового человека, высокой поэзии труда. Патриот этой темы, В. Кожевников — очевидец и участник многих дерзновенных свершений века. Он прошел школу разъездного корреспондента «Комсомольской правды», журналов «Смена», «Наши достижения», «Огонек» в незабываемые тридцатые, проникнутые пафосом социалистической перестройки страны. Он кровно сроднился с людьми, способными творить настоящие чудеса, ощутил тонкий, но прочный привод от их души к рукам. Именно поэтому удалось Кожевникову сказать о труде слова, не исчерпывающиеся суммой технических навыков и действий, пусть даже описанных живо, увлеченно.

Мастера — нет для писателя и его героев понятия более высокого, светлого. Они понимают жизнь как работу на благо людей, на благо общества. Одухотворенность трудом, **человечность** рабочей профессии лежат в основе их образов, вызывают к ним устойчивый читательский интерес.

Вадим Кожевников не связывал свою писательскую судьбу с людьми какой-либо одной профессии. В его рассказах 30-годов, в повестях и романах 40-х, 50-х, 60-х, в произведениях последних лет мы встречаем воинов Советской Армии, экскаваторщиков, строителей, водолазов... И о каждом из них автор пишет вдумчиво, с глубоким знанием дела.

Очень не похожие друг на друга повести сошлись под обложкой настоящего сборника: довоенная «Степной поход» и знаменитая «Знакомьтесь, Балуев!», полюбившаяся многим с детства «Мальчик с окраины» и сравнительно недавняя «Степан Буков», более напоминающая роман. А рядом — «Петр Рябинкин», за которую (вместе с «Особым подразделением») писатель был удостоен Государственной премии СССР. Разные сюжеты, разные характеры, но все они проникнуты духом современности.

Проблема положительного героя, она всегда в центре внимания нашей литературы. Немалые трудности ждут на этом пути художника, ибо, несмотря на замечательные традиции, ему всякий раз приходится действовать как первооткрывателю, находить своих героев в гуще действительности, чутко улавливать их живые, неповторимые черты.

Примером такого подхода может служить повесть «Знакомьтесь, Балуев!». В ней Кожевников показывает новый тип советского командира производства, работников социалистической индустрии, о которых писал в 30-е годы. Потом были рассказы о фронтовиках, в 50-е — роман о первых строителях Советского государства «Заре навстречу». И вот возвращение к прежним героям. Оно внутренне мотивировано и оправдано. Ведь сам Балуев — участник Отечественной войны, он «из того поколения комсомольцев, которые в годину первого индустриального штурма стали строителями». К тому же легендарному поколению принадлежит и автор. Они с героем повести ровесники, и Балуев доступен, понятен Кожевникову настолько, что, рисуя прошлое и настоящее начальника строительства, писатель смело опирается на собственный душевный опыт. Это-то и придает повести особую достоверность и теплоту.

Надо сказать, что нравственное начало вообще занимает крайне важное место в художественной ткани произведения, пронизывая взаимоотношения изображенных здесь людей. Отдавая все силы решению сложных производственных задач, Балуев не упускает из виду и тех, кто работает бок о бок с ним, он серьезно размышляет о людях и о себе самом. По мере развития действия повести на первый план выдвигается житейская коллизия — отношения героя с молодыми коллегами, стремление старшего передать младшим товарищам накопленные знания и опыт.

Тесное взаимодействие поколений во имя общего дела, забота о воспитании трудовой смены — главная тема повести, подсказанная самой жизнью. Именно тогда, во второй половине 50-х годов, во весь голос заявило о себе новое поколение, формировавшееся на целине, на огромных индустриальных стройках, в заводских цехах и научных лабораториях. И Кожевников не только рассказал в повести о сближении двух поколений, но и отчетливо осветил пути их взаимопонимания.

Начиная с Балуева и его друзей, писатель последовательно вводит в круг своих героев-современников людей тех профессий, что связаны с управлением мощными механизмами и одновременно с мужеством, силой, решимостью. Причем высокое техническое мастерство и высокие нравственные качества в равной степени характеризуют этих героев. Таковы действующие лица повестей «День летящий», давшей название сборнику, «Степан Буков», «Петр Рябинкин».

Бульдозеристы и экскаваторщики, первопроходцы, они раскрывают перед нами истинное богатство человеческих умов и сердец, осваивающих колоссальные богатства природы. Мы знакомимся с ними в разгар событий, истоки которых уходят в прошлое, а результаты — в будущее, событий незавершенных, рождающихся прямо на наших глазах. Людям этим подчас бывает очень нелегко, и автор ярко живописует их трудности:

«Неделю шли тяжелые ливни. Небо, став морем, беспрерывно рушилось водопадом на землю. Механизмы заливало, раскисший грунт расползался, график срывался».

Но вот как говорит о себе герой повести, возглавляющий дорожно-строительную мотомехколонну, самую передовую на трассе:

«— Какие же у меня особые методы? — пожимал тощими плечами Цыплаков.— Слежу, чтобы люди были сыты, жильем обеспечены, чтоб каждый понимал свое задание... Главное что? Текучести в рабочей силе нет. Коллектив сложился. Значит, нравятся люди друг другу, уважают друг друга. И в этом тоже наша мощность...»

В дни войны Цыплаков командовал саперным батальоном, вернувшись с фронта, возводил высотные здания, а ныне прокладывает автомагистраль на целине. Он чувствует движение времени, меняется вместе с ним, оставаясь непоколебимым в своей преданности партии и Советской власти. Жить без труда он не в состоянии и вкладывает себя в любимое дело целиком, без остатка, хоть и сторонится громких фраз о трудовом энтузиазме. Читая повесть, лишний раз убеждаешься, сколь широко раздвинулись сегодня пределы одной человеческой жизни, способной многое вместить и исправить...

Активное, многостороннее сотрудничество — черта, определяющая отношения героев не только «Дня летящего», но и других повестей сборника. Уже после выхода нашумевшего романа «Щит и меч», в конце 60-х годов Кожевников написал две повести — «Петр Рябинкин» и «Особое подразделение», в которых вновь возвращается к своим героям-фронтовикам. Впрочем, он с ними и не расставался, поскольку, как мы помним, в трудовые биографии Балуева и Цыплакова война вошла намертво. А Петр Рябинкин и Степан Буков, перешедший на страницы одноименной повести из «Особого подразделения», по праву считают себя рабочими людьми. Но если в тех повестях, что были написаны в начале шестидесятых, фронтовое прошлое героев лишь упомянуто, то теперь, на подступах к семидесятым, автор сосредоточивает на нем внимание, стараясь показать, как много общего в Советской стране имеют воинская служба и мирный созидательный труд с точки зрения необходимых для этого моральных качеств.

Изображение Рябинкина в повести разнопланово. Это — произведение о воинском воспитании, о постепенном превращении рабочего парня в умелого бойца. «Война учила Рябинкина не только бою, но и пониманию того, что среди рядовых нет рядовых людей...— пишет автор.— Для Петра Рябинкина заводская жизнь и на фронте оставалась образцом поведения». В этих точных словах сконцентрирована основная идея произведения.

Характерно, что повесть начинается и завершается описанием семейных перипетий главного героя, о фронтовой жизни которого Кожевников рассказывает так, словно речь идет о производственном или учебном процессе. Писатель скрупулезно исследует все то, что позволило вчерашнему рабочему парню в совершенстве овладеть новой для него воинской профессией. Нет, автор не заземляет бессмертный подвиг солдат Великой Отечественной, не сводит его к сумме «технических» навыков и приемов. Напротив, он помогает читателю глубже уяснить реальную суть непомерного ратного труда советских воинов-освободителей. Многое узнал и пережил на фронте Петр Рябинкин, многое сделал для победы. Мы видим его в бою и в походной землянке, на койке госпиталя... И неудивительно, что, вернувшись на родной завод, герой быстро идет в гору. Производственный опыт помог ему на фронте, а на производстве — фронтовой!

Так, изображая военные будни, Кожевников опирался на материал, почерпнутый в работе над произведениями, посвященными индустриальному строительству.

...Тощий, долговязый, с прокуренными вислыми усами на задумчивом костистом лице, появляется налегке в пустыне Степан Захарович Буков. Но на поверку это оказывается лишь внешней оболочкой, скрывающей добрую натуру этого обаятельного героя. Казалось бы, никаких громких подвигов Буков не совершает. Однако вся жизнь Степана Захаровича смело может быть названа подвигом — воинским и рабочим. Жизнь, прожитая ровно и просто, но потребовавшая от Букова бесстрашия, изобретательности, выдержки. И еще — великодушия. Он не хотел и не мог жить иначе, поэтому поступки его никогда не расходились с делом.

Такая устойчивость нравственного облика отличает и довоенных героев «Степного похода» и «Мальчика с окраины». Они как бы передают нашим современникам из рассмотренных повестей героическую эстафету поколений. Вот почему присутствие этих произведений в сборнике закономерно. Они органично вплетаются в рассказ о людях, создающих небывалый общественный строй, свободный от социального гнета и несправедливости.

Когда-то одну из своих книг, где действуют люди труда, Кожевников с полным основанием назвал «Любимые товарищи». Он и впрямь прошагал с ними по жизни плечом к плечу, до тонкостей вникая в их профессиональное мастерство, разделяя их радости и заботы. И дело тут не в теме, которая на какое-то время взволновала писателя. Это сама питательная среда его творчества, воздух, которым он дышит.

Донести до читателя столь дорогую и понятную ему красоту работы, охватить различные грани труда как величайшего общественно-исторического явления, высветлить непреходящую нравственную ценность и живительный смысл созидания было и остается главной задачей видного советского прозаика Вадима Михайловича Кожевникова, и он постоянно ищет лучшие способы ее осуществления.

О. ЮРЬЕВ

Вадим Кожевников. День летящий. М., «Советский писатель», 1983. 560 с.

К 40-ЛЕТИЮ УЧРЕЖДЕНИЯ ОРДЕНА БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

ОРДЕН ОСВОБОДИТЕЛЕЙ

Седой Днепр... Для каждого из нас это не только важная водная артерия, это река-святыня, колыбель нашей культуры, источник народных сказаний и былин о силе и доблести славян. Благодарные потомки навечно сохранили память о народных заступниках и героях сражений с поработителями. Среди них и имя Богдана Хмельницкого, который в середине XVII века возглавил борьбу украинского народа за освобождение от чужеземного ига, за воссоединение с братской Россией.

А осенью сорок третьего гремела битва за Днепр. Наши войска продолжали массовое изгнание гитлеровских оккупантов с родной земли.

Во время этого широкого стратегического наступления от Великих Лук до Черного моря правительство Украинской ССР обратилось в Государственный Комитет Обороны с ходатайством об учреждении нового

I степень

боевого ордена — Богдана Хмельницкого.

Предложение было поддержано. Эскиз знака нового ордена нарисовал заместитель начальника Управления искусств при СНК УССР художник А. С. Пащенко. Но для окончательной доработки был привлечен главный художник Центрального Дома Красной Армии Н. И. Москалев. Чеканные и граверные работы при изготовлении первых образцов ордена выполнил гравер В. Соколов.

10 октября 1943 года Президиум Верховного Совета Союза ССР издал Указ об учреждении ордена Богдана Хмельницкого трех степеней.

Учреждение нового боевого ордена воздавало должное победам Богдана Хмельницкого при освобождении Украины и звучало как призыв ко всем советским воинам быстрее избавить родную землю от гитлеровской нечисти. Этот призыв вытекал из первого пункта статута, в котором указывалось, что орденом Богдана Хмельницкого «награждаются командиры и бойцы Красной Армии и Военно-Морского Флота, руководители партизанских отрядов и партизаны, проявившие особую решительность и умение в операциях по разгрому врага, высокий патриотизм, мужество и самоотверженность в борьбе за освобождение советской земли от немецких захватчиков».

Такая редакция первого пункта является отличительной особенностью статута ордена Богдана Хмельницкого. В статутах других орденов имени великих полководцев — орденов Суворова и Кутузова не говорится об операциях по освобождению советской земли, а в числе тех, кто может быть награжден ими, не названы партизаны.

Орден Богдана Хмельницкого I степени № 1 был вручен генерал-майору А. И. Данилову — командующему 12-й армией. Он отличился при освобождении Левобережной Украины, Донбасса и города Запорожье.

Запорожский плацдарм немцев на левом берегу Днепра имел огромное значение, и гитлеровская ставка требовала его сохранить любой ценой. Здесь были созданы два мощных оборонительных обвода, противотанковые рвы глубиной до четырех метров с отвесными стенами, прикрытые минными полями и колючей проволокой. В самом городе здания были превращены в опорные пункты, а на острове Хортица, где когда-то находился центр вольного казачества — Запорожская сечь, установили артиллерийские и минометные батареи.

Штурм плацдарма начали три наши армии. Войска генерала Данилова наносили вспомогательный удар. Однако командарм, умело маневрируя силами и средствами, сумел добиться наибольшего успеха. В ночь на 12 октября части 12-й армии заняли несколько важных высот севернее Запорожья. Генерал Данилов вовремя перебросил резервы на участок, где обозначился успех, и оборона врага рухнула. 14 октября войска армий генералов А. И. Данилова, Д. Д. Лелюшенко и В. И. Чуйкова полностью очистили от врага Запорожье.

Всего орденом Богдана Хмельницкого I степени было награждено около 320 человек.

Первыми кавалерами ордена Богдана Хмельницкого II степени стали заместитель командира 213-й стрелковой дивизии подполковник И. Н. Каплун и дивизионный инженер 81-й гвардейской дивизии майор Б. В. Тарасенко. Они проявили мужество и самоотверженность при форсировании Днепра.

Орденом Богдана Хмельницкого III степени награждено около 5700 воинов и партизан. Подвиг каждого из них — образец беззаветного выполнения воинского долга, глубокой любви к Советской Родине. Вот несколько примеров.

Командир 3-го мотострелкового батальона старший лейтенант И. И. Угловский отличился в бою при освобождении населенного пункта Колесницы. Внезапным ударом его батальон выбил гитлеровцев с позиций, нанес им ощутимый урон и обеспечил 61-й мотострелковой бригаде выход во фланг и тыл противника. В ходе наступления на Малый Букрин офицер Угловский получил ранение, но остался на поле боя и командовал подразделением, пока бригада не выполнила задачу.

Командир танка 2-й роты 53-го танкового полка сержант Л. А. Туловсков награжден за отвагу в бою при удержании безымянной высоты. Экипаж танка около суток вел неравный бой с пехотой и танками противника. Сержант трижды в трудные минуты боя выходил из бронированной машины, потерявшей ход, и увлекал в атаку залегшую рядом пехоту. Все атаки фашистов они отбили, и высота осталась в руках советских бойцов.

В числе награжденных этим орденом Герой Советского Союза, кавалер ордена Славы всех степеней командир стрелкового взвода гвардии старшина П. Х. Дубинда, а также отважная партизанка Е. А. Бодылевская.

Орден Богдана Хмельницкого являлся и коллективной наградой. Более тысячи частей и соединений, добившихся в боях и сражениях больших успехов, удостоены этих знаков воинского отличия.

Очистив от гитлеровских захватчиков советскую землю, наши войска приступили к выполнению интернациональной миссии — избавлению народов стран Европы от фашизма. И закономерно, что боевые знамена полков и дивизий, отличившихся при освобождении Брно, Гданьска, Кракова, Будапешта и других городов, украсили ордена Богдана Хмельницкого.

Закончилась война. Ликующий народ горячо приветствовал участников Парада Победы. Более 360 боевых знамен, овеянных славой побед, торжественно пронесли по Красной площади. На древках шестидесяти восьми гордо реяли светло-синие муаровые ленты ордена Богдана Хмельницкого — награды освободителям на пути от седого Днепра до Берлина.

Г. СОЛОНИЦЫН,
полковник

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. И. ПРУДКИНА

ГДЕ ЕСТЬ ТАЛАНТ, ТАМ НЕТ СТАРОСТИ

Наверное, есть люди, рожденные для театра. Марк Исаакович Прудкин, безусловно, из их числа. Год его рождения, кстати, совпал с годом рождения Московского Художественного театра, с которым связана вся его жизнь.

Призвание определилось рано — в 15 лет, — будучи учеником реального училища в Клину, он сыграл Любима Торцова в любительском спектакле «Бедность не порок», и понял: вне сцены ему не жить. И вот уже шесть десятилетий он является одним из тех, кто составляет славу театра.

Известность пришла быстро. Почти все участники «Дней Турбиных», поставленных почти шестьдесят лет тому назад, «проснулись знаменитыми»». Среди них был и Прудкин, сыгравший очаровательного и легкомысленного адъютанта Шервинского... Казалось бы, амплуа определилось. И вдруг неожиданность: мрачный, истеричный капитан Незеласов в «Бронепоезде 14-69», человек с мертвой душой, враг, издыхающий в своем бронированном закутке... Зрители старшего поколения отлично помнят многие образы, созданные Прудкиным. В «Последней жертве» — молодой красавец Дульчин с усталым лицом и пустыми глазами игрока...

Талант Прудкина не укладывается в рамки одного амплуа. Он с одинаковым мастерством создает образы и комедийные, и героические, и трагические.

Прудкина всегда узнаешь на сцене, но герои его никогда не похожи: каждый наделен самобытным характером. Это — мастерство перевоплощения, которым актер владеет в совершенстве. Это — перевоплощение внутреннее; оно-то и есть высочайшая тайна искусства. Поэтому все роли Прудкина — открытие. Вспомним блистательно сыгранного им в мхатовском спектакле, а затем и в кино Федора Павловича Карамазова. Поражает жизненный объем роли: его герой переменчив, как ртуть. Он философ и сластолюбец; изувер, готовый из ревности погубить сына, и несчастный, жалкий человек... И до чего же «не похож» на него Хмелик из спектакля «Соло для часов с боем». В этом герое воплотились те качества, которые дороги и близки самому актеру: душевность, благородство, интеллигентность, нравственная чистота. И — ненависть ко всему пошлому.

В нынешнем году Марк Исаакович Прудкин выдвинут на соискание Государственной премии СССР за телевизионные работы: князь К. в «Дядюшкином сне» и граф Шабельский в фильме-спектакле «Иванов».

«Дядюшкин сон» стал событием благодаря блистательной, виртуозной игре Прудкина. Его князь, нелепый и жалкий со своими накладными бакенбардами и стеклышком в глазу, болтлив и несуразен. Но вдруг видишь: в этом раскрашенном скелете сохранились чувства! Он еще живой. И что-то детски нетронутое сохранилось и в графе Шабельском, он безжалостен к себе; за его горькими признаниями такая тоска, что щемит зрительское сердце... А как не похож на этих двух героев князь Абрезков из «Живого трупа» — совсем недавняя работа актера. Он воплощение благородства и такта, душевной деликатности...

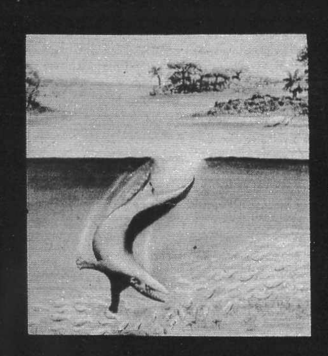
Прудкин играет всех своих героев именно с той мерой самоотдачи и артистизма, с тем погружением в образ, какого и требовал Учитель — К. С. Станиславский.

Е. ЕВГЕНЬЕВА

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

ПО МАТЕРИАЛАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПРЕССЫ

некогда киты жили на суше

Это не фотография, а картина-реконструкция. Да, как показало изучение ископаемых образцов, 45—50 миллионов лет тому назад в Пакистане и у подножия Гималаев киты жили на суше и лишь охотились в море. Найденный кусочек внутреннего уха доисторического кита свидетельствует о том, что уши этих животных в древности не были приспособлены для жизни в воде. Очевидно, охотясь за рыбой, киты все больше и больше времени проводили в море, и это постепенно повлекло к изменению внутренних органов, к приспособлению их для жизни в воде.

тихий ударник

Этот музыкант, самозабвенно играющий на ударных инструментах в своей квартире, не доставляет ни малейшего беспокойства соседям. Кажется неправдоподобным, однако он может репетировать в любое время суток, и даже ночью, не тревожа ничей сон.

Дело в том, что играет он на не совсем обычных инструментах. Так, барабан — это не туго натянутая на цилиндрический остов кожа, а толстый резиновый диск. По такому «барабану» можно колотить что есть силы, и тишина не нарушится. Однако сам музыкант слышит настоящую музыку. От приемников, вмонтированных в каждый «тихий» ударный инструмент, сигнал поступает на синтезатор, который преобразует «тихие» звуки в соответствующие настоящим, получаемым при игре на обычных инструментах. Этот-то звук и слышит музыкант в своих наушниках, нисколько не страдая от имитации и совершенствуя свою технику, не тревожа окружающих.

плотик с педалями

Всего 16 килограммов весит это плоское прогулочное суденышко. Оно выполнено из пластмассы, в движение приводится педальными веслами. Его легко можно транспортировать на крыше автомобиля.

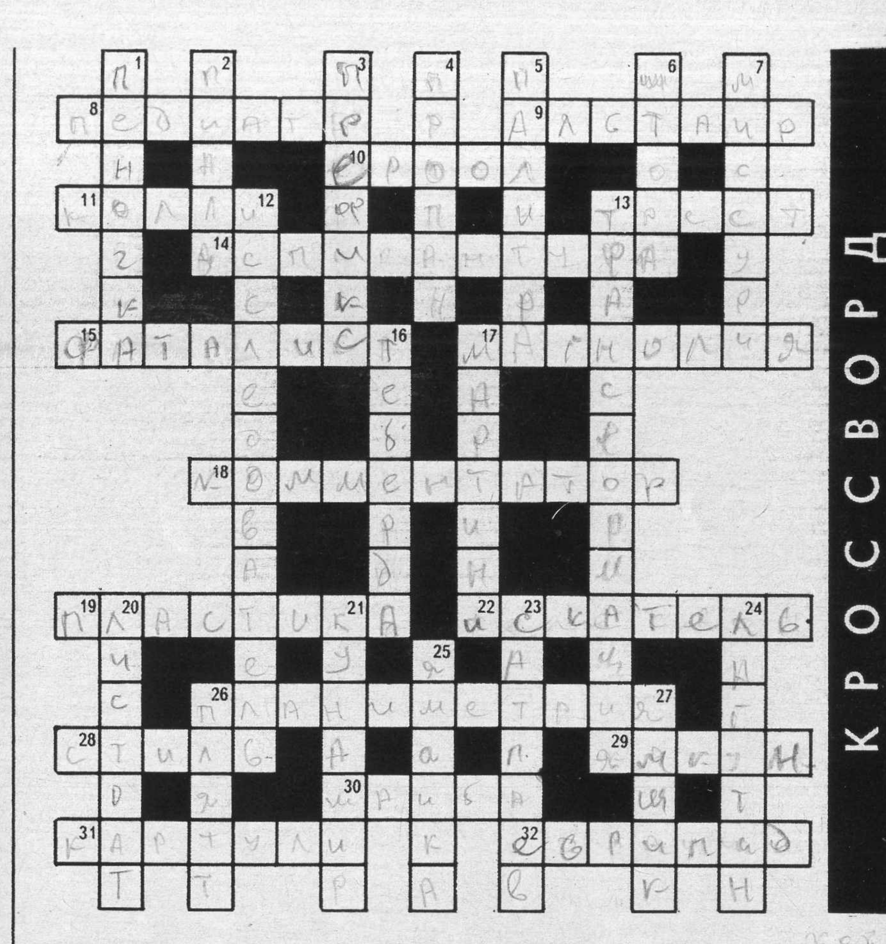

коньки круглый год

В Швейцарии стали выпускать коньки-универсалы, на которых можно кататься круглый год. Летом на лезвия надеваются устройства (металлические или пластмассовые) с шестью роликами.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 8. Детский врач. 9. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла. 10. Древняя стихотворная форма устно-поэтического творчества монголов. 11. Шотландская овчарка. 13. Строительная организационно-производственная единица в СССР. 14. Форма подготовки научных и научно-педагогических кадров в СССР. 15. Название главы в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». 17. Южное декоративное дерево. 18. Толкователь текста. 19. Плавность, изящество движений в танце. 22. Вспомогательная астрономическая труба. 26. Часть элементарной геометрии. 28. Общность средств художественной выразительности, творческих приемов. 29. Курорт в Читинской области. 30. Принадлежность игры в хоккей. 31. Грузинский народный танец. 32. Древнегреческий поэт-драматург.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Певчая птичка. 2. Чашка, употребляемая в Средней Азии. 3. Часть слова, стоящая перед корнем. 4. Углеводород, горючий газ. 5. Дощечка, пластинка для смешивания красок в живописи. 6. Оконная занавеска. 7. Приток Миссисипи. 12. Ученый. 13. Сценический прием в цирке, на эстраде. 16. Приток Кубани. 17. Итальянский композитор и теоретик XVIII века. 20. Действующее лицо оперы Т. Н. Хренникова «В бурю». 21. Один из Курильских островов. 23. Казахский геолог, академик, лауреат Ленинской премии. 24. Советский боксер, двукратный чемпион Олимпийских игр. 25. Государство в Вест-Индии. 26. Народный артист СССР, выступающий в Театре имени Моссовета. 27. Стихотворение С. А. Есенина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 40

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Чадобец. 6. Кочерга. 8. «Труд». 9. Горн. 10. Иванченков. 12. Штурман. 14. Коврига. 15. Гидравлика. 18. Тромбон. 20. Колонна. 22. «Варшавянка». 23. Янус. 25. Круг. 26. Цветаев. 27. Эскадра.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Удод. 2. Реклама. 3. Толокно. 4. Григ. 5. Черемша. 7. Агрегат. 10. Ибрагимов. 11. Варпалота. 13. «Нерон». 14. Кулик. 16. Стейниц. 17. Фактура. 19. Образец. 21. Обнинск. 24. Свет. 25. Кадр.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ: 1 октября 1983 года. Антивоенная манифестация трудящихся Москвы.

Фото А. Бочинина

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 16.09.83. Подписано к печати 03.10.83. А 00731. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2425. Заказ № 1340.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ПО ГРИБЫ

Фото И. ГАВРИЛОВА

Нынешний год не назовешь грибным — погода неподходящая. То много жары, а дождей — ни капли, то, наоборот, залило-затопило, а солнца нет, не парит земля. Гриб такую жизнь не любит, ему хорошо, когда солнце и дождь работают в согласии.

Но все-таки они ждут в лесу, затаившись в траве и под палым листом, подосиновики и подберезовики, лисички и грузди, а обитающие большими компаниями веснушчатые ребята-опята пляшут вокруг пней, издали приглашая гостя.

Потому, каков бы ни был сегодня лесной урожай, едут горожане на машинах, электричках, специальными поездами, устремляясь к дальним полустанкам, с плетенными из ивового прута корзинами, с ведрами и туесами. Разбредаются по чащобам и умолкают, потому что гриб, как и рыба, шума не терпит.

...Жаль, белых совсем мало, но что-то обязательно же наберется, хоть на малую сковородку. Да и потом, разве же за одни трофеи ценят люди грибную охоту! Пусть в корзине и дно не покрыто, зато волосы пропитались чистыми запахами осеннего леса, и ты вернешься домой, испытывая ту особую истому и усталость, которая называется сладкой, и ночью тебе будут сниться веселые сны.

СССР-выступает за мир!

НЕ ДОПУСТИМ ядерной ВОЙНЫ!

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663